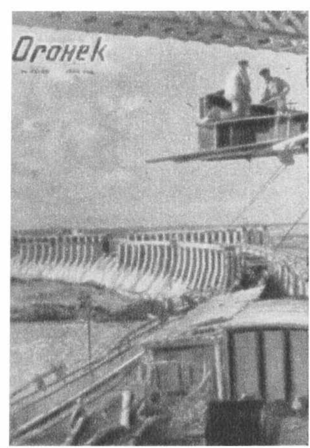

ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

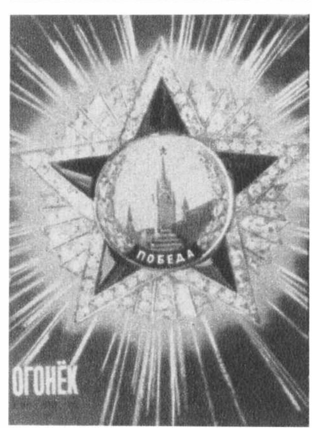

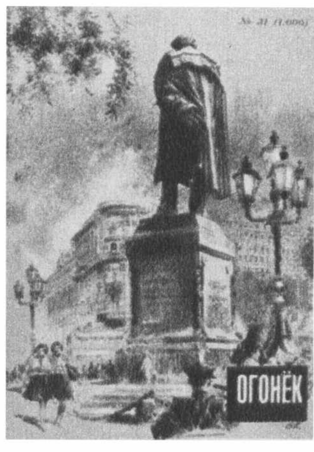

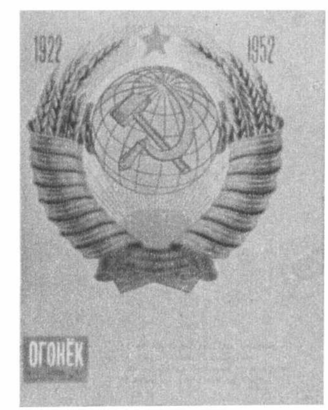

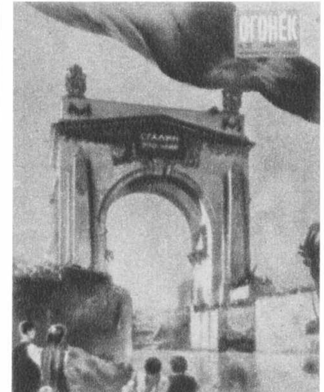

«ОГОНЬКУ» — 30 ЛЕТ

30 лет назад, в апреле 1923 года, вышел первый номер журнала «Огонек».

Три десятилетия в ногу со всей Советской страной шагает наш журнал, рядовой великой армии коммунистической печати. Быть верным орудием партии, служить интересам народа, активно участвовать в строительстве социалистического общества — в этом «Огонек» всегда видел и видит свое назначение. Большая ответственность лежит на нем как на самом многотиражном иллюстрированном советском журнале. Его читают в рабочей семье и в доме колхозника. Среди его читателей ученые и студенты, партийные работники и хозяйственные руководители, домохозяйки и школьники. Журнал обязан отвечать на запросы необозримой массовой аудитории, предъявляющей высокие идейно-художественные требования. Направляемый Коммунистической партией, прислушиваясь к голосу своих читателей, «Огонек» стремится быть на высоте этих требований.

На первой странице первого номера журнала выступал Маяковский. С тех пор постоянными авторами «Огонька» были лучшие писатели и поэты — советские и зарубежные, партийные и общественные деятели, журналисты, научные работники, а прежде всего сами читатели, плодотворно участвующие в своем журнале.

Начав путь тонкой однокрасочной «тетрадью», ныне «Огонек» превратился в 40-страничный журнал с цветной обложкой и цветными вкладками. Цветная фотография, рожденная сравнительно недавно и впервые воспроизведенная на страницах «Огонька», ныне стала неотъемлемой частью журнала. Репродукции «Огонька» ознакомили миллионы людей с сокровищницей русской классической и западной живописи, с произведениями советских художников.

Если перелистать страницы 1 350 номеров журнала, вышедших за 30 лет, перед нашими глазами пройдет величественная летопись советской жизни, хроника крупнейших событий, оставивших неизгладимый след в истории человечества. Первые номера журнала относятся к тому времени, когда Советская страна, оправившись от потрясений гражданской войны, восстанавливала разрушенное хозяйство. Какой славный путь пройден нашей Родиной до нынешних дней, когда могучая индустриально-колхозная держава, завершив построение социалистического общества, уверенно движется к коммунизму!

Перелистать все страницы журнала — задача трудно выполнимая. Взглянем же хотя бы на обложки, представляющие лицо журнала. Конечно, не в полной мере, но в них как бы отражены вехи великого пути, титанический труд и бессмертные подвиги народа, ведомого Коммунистической партией.

Только 15 из 1 350 обложек воспроизведены на этой странице. И даже в них запечатлена победная поступь социализма.

...Это 1925 год. В крестьянской избе зажигается «лампочка Ильича»... Рядом плотина Днепровского электрогиганта, строительство которого останется одним из самых памятных событий в жизни советского народа. И как не бросить после этого взгляд на чудесную арку одного из шлюзов Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина — великой сталинской стройки коммунизма!

Стахановский отбойный молоток напоминает о начале нового этапа в развитии социалистического соревнования. Соревнование превратило труд советского человека в дело чести, славы, доблести и геройства. Мы видим и стахановку колхозных полей у обильного потока золотого зерна.

Советский воин утверждает бессмертную славу Сталинграда, а великое слово «победа» знаменует завершение подвига Советской Армии. Суворовцы и молодой солдат свидетельствуют, что на страже нашей Родины стоят и будут стоять верные ее сыны.

Юные физкультурники, дети у памятника вечно юного Пушкина — это наша молодость, наше будущее.

Символом новой, социалистической Москвы высится дом на Котельнической набережной — одно из зданий, сделавших еще краше облик любимой столицы.

«Союз нерушимый республик свободных...» — звучит Гимн Советского Союза, Гимн братского единства советских народов, которых «сплотила навеки Великая Русь».

На последней из воспроизводимых обложек — простые советские люди; они поклялись бороться за мир и взяли дело мира в свои надежные руки.

...Обо всем этом и о многом другом рассказывал «Огонек» своим читателям на протяжении 30 лет.

Вступая в четвертое десятилетие, «Огонек» продолжит эту летопись славной советской жизни.

Все выше становятся требования читателей, все совершенней их вкусы. Они подвергают критике недостатки журнала. Следуя указаниям Коммунистической партии, в тесном общении с читателями «Огонек» полностью оправдает высокое назначение самого массового советского журнала.

На первой странице обложки: Новая Москва. У Комсомольской площади. Рисунок В. С. Климашина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

№ 17 (1350) 26 АПРЕЛЯ 1953

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В честь Первого мая

Международный праздник трудящихся — Первое мая — в Советской стране встречают как праздник нерушимой дружбы братских народов, идущих вперед, по пути строительства коммунизма. Труженики города и деревни, полные великих творческих замыслов, поглощены в предмайские дни мирными созидательными делами. В ответ на заботу партии и правительства о материальном благосостоянии народных масс повсеместно рождается трудовая инициатива — источник новых блистательных побед. Предмайское социалистическое соревнование приводит в движение неисчерпаемые производственные резервы, открывает возможности досрочного выполнения планов.

— В честь Первого мая! — под этим лозунгом шахтеры Донбасса и Кузбасса добиваются нового подъема добычи угля, выдавая на-гора тысячи тонн драгоценного топлива сверх ранее принятых обязательств.

— Ознаменуем праздник трудовыми подарками Родине! — говорят рабочие Урала. И слова они подтверждают делом: на Нижне-Тагильском заводе имени Куйбышева почти все плавки выдаются скоростными темпами; цехи Свердловского подшипникового завода борются за внутризаводское первенство, широко применяя опыт новаторов.

Дружно ведут весенние полевые работы колхозы и МТС Украины, Северного Кавказа, Поволжья. Предмайские донесения поступают из Сталинграда и Ставрополя, из Чкалова и Дзауджикау. Радостные известия приходят из районов, где вступили в строй новые оросительные системы.

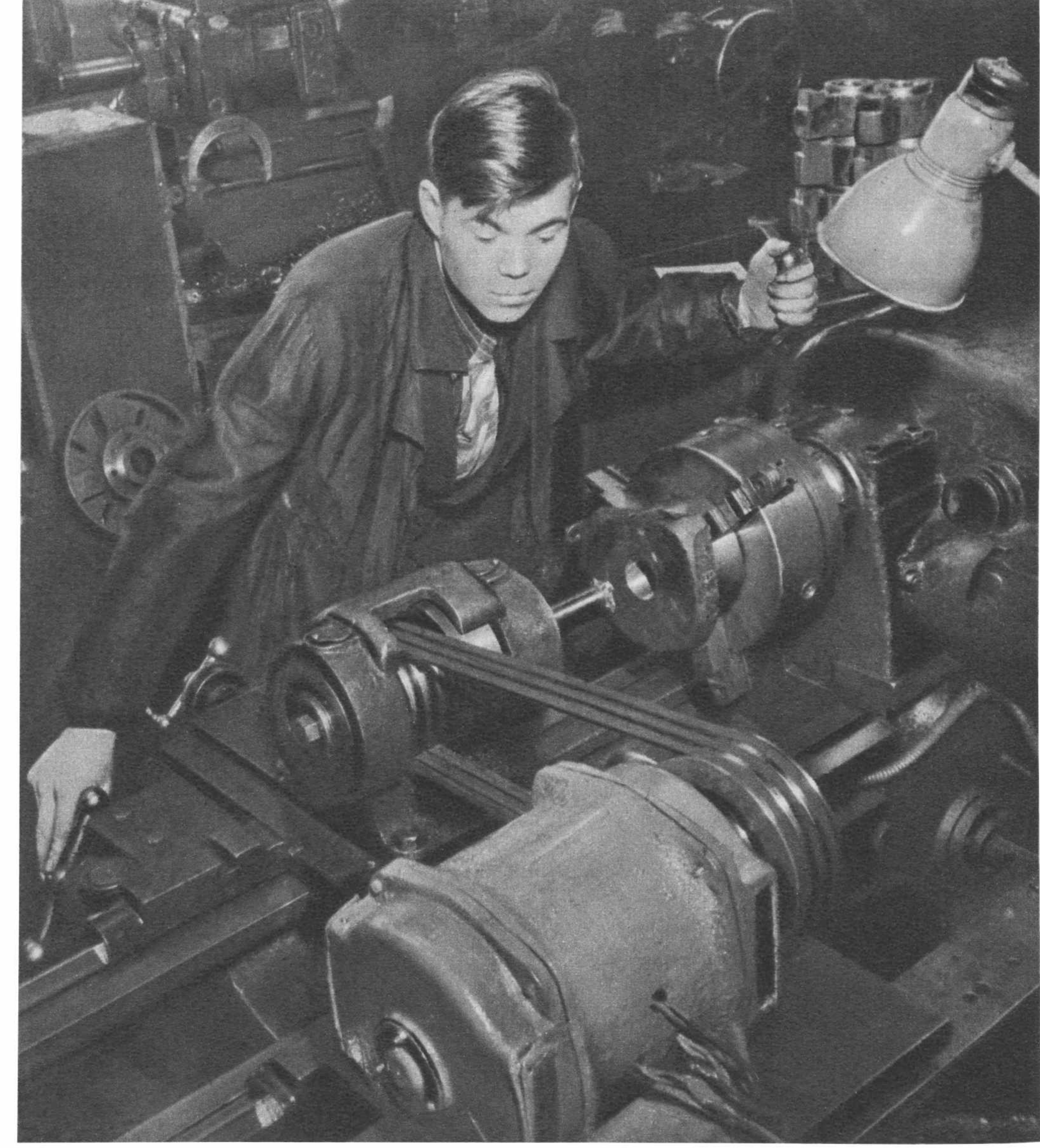
В канун праздника строители Москвы приняли на себя высокие социалистические обязательства. Строители призваны строить быстро и прочно, красиво и дешево!

Советский народ, сильный своим морально-политическим единством, ознаменует Первое мая созданием новых материальных богатств, укреплением могущества страны социализма.

Предмайское соревнование на Московском шинном заводе породило движение за экономию материалов. Бригада комсомольца Петра Харламова сэкономила за первую половину апреля тысячи метров ткани и резины. На снимке (справа налево): бригадир П. Н. Харламов и члены его бригады Л. Н. Ломеко и А. М. Симонов.

Фото С. Фридлянда и Е. Умнова.

СО СКОРОСТЬЮ ВИХРЯ

Виктор Разоренков.

Алеша Матвейчев поступил в фабзавуч одного из московских заводов в 1929 году...

То был славный год, названный годом великого перелома,— год великих дел.

В самом его начале, 20 января, газета «Правда» напечатала не публиковавшуюся до того статью Владимира Ильича Ленина «Как организовать соревнование?». Миллионы людей прочитали вдохновенные слова: «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность **работы на себя**, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры». Ленин писал: «Наша задача **теперь**, когда социалистическое правительство у власти,— организовать соревнование».

Соревнование! Бригада за бригадой, цех за цехом, завод за заводом подхватывали этот клич. Заключались социалистические договоры... 29 апреля XVI партийная конференция, принявшая первый пятилетний план, обратилась ко всем трудящимся с призывом шире развернуть соревнование, и с этого момента оно приобрело подлинно всенародный характер... 22 мая в «Правде» появилась статья Иосифа Виссарионовича Сталина «Соревнование и трудовой подъем масс», в которой был объяснен смысл начавшегося движения: «Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше,— **догоняй лучших** и добейся **общего подъема**»...

Вот в какой год Алеша Матвейчев, пятнадцатилетний сын нижегородского крестьянина, вступил в ряды рабочего класса...

А Володя Палехо бегал в ту пору в сельскую школу на Харьковщине, и на боку у него болталась толстая холщовая сумка, набитая книжками и тетрадками. Он не расставался с ней еще четыре года, пока не окончил семилетки... За это время построили Днепрогэс, пустили поезда по Турксибу, зажгли домны на «Магнитке», возвели корпуса краматорского гиганта. Сюда, в Краматорск, и приехал учиться в фабзавуче на токаря Володя Палехо, которому тоже уже стукнуло целых пятнадцать лет, и он получил право стать рабочим человеком... Шел год тысяча девятьсот тридцать третий. Начиналась вторая сталинская пятилетка.

В тот год в семье Разоренковых родился сын, которого назвали Виктором. Молоды были родители: отцу — двадцать три, матери — девятнадцать. Оба комсомольцы. Алексей Разоренков ездил на паровозе помощником машиниста, занимался на курсах и должен был вот-вот получить диплом механика. Тамара Разоренкова заканчивала педагогическое училище. И случилось так, что в один день отец отправился как машинист в свой первый самостоятельный рейс, мать провела свой первый урок, а сын совершил первое дальнее путешествие — от стула к стулу.

Они жили в Малоярославце и были на виду в этом маленьком городке. В местной газете часто появлялись заметки о машинисте Разоренкове: он был в числе тех, кто начал водить товарные, тяжело груженные составы «на большом клапане», на высоких скоростях... На Доске почета, что стояла в центре городка, среди других был помещен портрет молоденькой учительницы Разоренковой: ее класс не знал неуспевающих... А сын? Что сказать про сына? Заметок о нем еще не печатали, портретов еще не вывешивали, но он уже был занят очень важным делом: подрастал...

Он собирался во второй класс, когда началась война. Отец ушел на фронт. Тамара Федоровна с ребятами — их было у нее уже трое — уехала из Малоярославца, к которому подступал враг, в Кировскую область. Там она продолжала учительствовать, а Витя—учиться.

В войну быстро взрослели наши ребята...

Вот мальчик, только что принятый в пионеры, радостный возвращается домой, распахивает дверь и замолкает на полуслове: мать сидит за столом и, прижимая к груди листок бумаги со страшной вестью об отце, смотрит на сына невидящими, полными слез глазами...

Вот в класс приходит председатель колхоза, говорит, что в артели не хватает рук, просит помочь, и школьники после уроков работают в поле, на скотном дворе, в кузнице...

Вот Виктору пятнадцать лет. В этом возрасте Алеша Матвейчев и Володя Палехо начали свой трудовой путь. Теперь Витя Разоренков ступил на эту дорогу, чтобы через два года, закончив ремесленное училище, встретиться в механическом цехе московского завода «Борец» с Владимиром Андреевичем Палехо и Алексеем Павловичем Матвейчевым.

Палехо — начальник цеха. После Краматорска он работал на Дальнем Востоке, учился в машиностроительном техникуме и вот уже десять лет на «Борце». Был токарем, начальником пролета.

Цех молодежный. Трудно здесь найти человека, родившегося до революции. Те, кому за тридцать, считаются уже «старичками». Матвейчеву скоро сорок — подавно «старик»... Но

Слева направо: старший технолог А. П. Матвейчев, начальник цеха В. А. Палехо и токарь Виктор Разоренков.

по характеру, по духу — иных комсомольцев моложе. Когда-то он кончал фабзавуч на слесаря-механика. А был и слесарем, и токарем, и фрезеровщиком, и зуборезом, и строгальщиком. Основной профессии он не менял — оставался механиком. Но считал, что механик все должен уметь делать. Не существует на заводе станка, которого бы не знал Матвейчев.

Сейчас он старший технолог цеха. Беспокойная душа... Любит всякую новинку. Любит смелых людей. Потому, видно, и пришелся ему по душе Виктор Разоренков, который сперва, правда, показался технологу этаким увальнем. Действительно, внешность у Виктора обманчива. Кто угадает в этом неповоротливом, флегматичном юноше боксера второго разряда, стремительного в атаках на ринге! Он и в работе стремительный: первым на заводе освоил вихревой метод нарезки резьбы.

Вихревой!

Скорости в современной технике стали такими, что обычные термины — быстрый, ускоренный, скоростной — уже не годятся для их определения. Приходится обращаться за помощью к поэтическому арсеналу. Вихревой... В самом деле, как назвать иначе способ работы, при коем вращается не только шпиндель станка, но и обрабатывающий деталь резец, которому «испокон веков» полагалось быть неподвижным. И вращается с такой быстротой, что стружка не вьется, не льется, а взлетает вихрем...

Матвейчев и Палехо — энтузиасты вихревого способа. А в Викторе Разоренкове они нашли родственную душу, пристрастную к высоким скоростям. В цехе его так и называют — вихревик. Он подготовил еще двух вихревиков — Сашу Гостева и Толю Еремина, с которыми теперь соревнуется.

Была деталь, которая не поддавалась вихревикам. Идет она для нефтяного оборудования. Напоминает большую гайку, внутри которой имеется резьба с глубокой канавкой в четыре с половиной миллиметра. Эту резьбу делали обычным резцом, на обычном станке. Делали медленно не только по сравнению со скоростными методами, а просто медленнее медленного. Десять — двенадцать раз проходили резцом по одному и тому же месту, пока резьба не достигала нужной глубины. Самые расторопные токари тратили не меньше получаса на каждую штуку.

Палехо и Матвейчев давно уже добирались до этой детали. Но выхода долго не видели. Пробовали вихревым... То же самое — резец не берет глубоко. Слишком велика на него нагрузка — не держит, ломается. Значит?.. Значит, надо уменьшить эту нагрузку. Но как? Распределить ее на несколько резцов... Мысль об этом была тем звеном, уцепившись за которое Матвейчев и Палехо вытащили всю цепь. Несколько резцов не поместятся внутри гайки. Это ясно. А если использовать только режущие пластинки, впаяв их в какое-то тело? Так, так... Ведь это ж получается фреза? Ну, ясно, фреза! Но фрезу никто еще не применял при вихревом способе... А мы попробуем!

Начались поиски нужной конфигурации фрезы. Остановились на четырехзубой. Заказали ее инструментальщикам. Сделали. А испытает кто? Разоренков... Он уже загорелся, он уже не отступится от дела, начатого двумя его старшими товарищами, двумя коммунистами...

Фреза была, конечно, главной находкой. Но нужно было еще найти, определить необходимые скорости ее вращения, скорости вращения шпинделя. Не "тянул" мотор — сменили мотор. Не годилась передача — заменили. В этих поисках, в этой разведке Виктор Разоренков шел локоть к локтю с Матвейчевым и Палехо.

Наступил день уже не испытаний, а работы по-новому. С первой минуты не повезло: что-то задымилось в вихревом приспособлении. Наверно, перетянули кольца. Все волновались, а Палехо больше всех. Правда, он на всякий случай приказал подготовить целую линию станков, которые могли бы обрабатывать скопившиеся детали. Но она, эта линия, не понадобилась. Деталь за деталью начал снимать со станка Виктор Разоренков. Три минуты — готово! Еще три минуты — готово! Проверяйте, обмеряйте, контролеры! Точная работа...

Восемьдесят восемь штук за смену. Девятьсот восемьдесят процентов нормы... И дело не только в этих цифрах — дело в том, что три человека — два коммуниста и комсомолец — сказали свое, принципиально новое слово в технике, открыли фрезу для вихревого способа нарезания резьбы. А раз это — новое, прогрессивное,— значит, будет жить и развиваться, находить тысячи приверженцев, продолжателей.

...Виктор Разоренков у станка. Спокоен, медлителен. Совсем не похож на вихревика. А зачем ему суетиться, зачем нервничать? Он прислушивается к станку и в ту самую секунду, когда мотор пойдет «вхолостую», снимет деталь... Не опоздает! Рядом с Виктором такой же рослый юноша. Это Костя Грачев — друг и соперник. Друг — потому, что подготовляет, как инструментальщик, фрезы для Виктора. А соперник — потому, что тоже боксер. Вот сейчас они как раз и договариваются о вечерней тренировке.

В эти дни в цехе много гостей. Приезжают с заводов, из институтов, из редакций.

Приходят телеграммы.

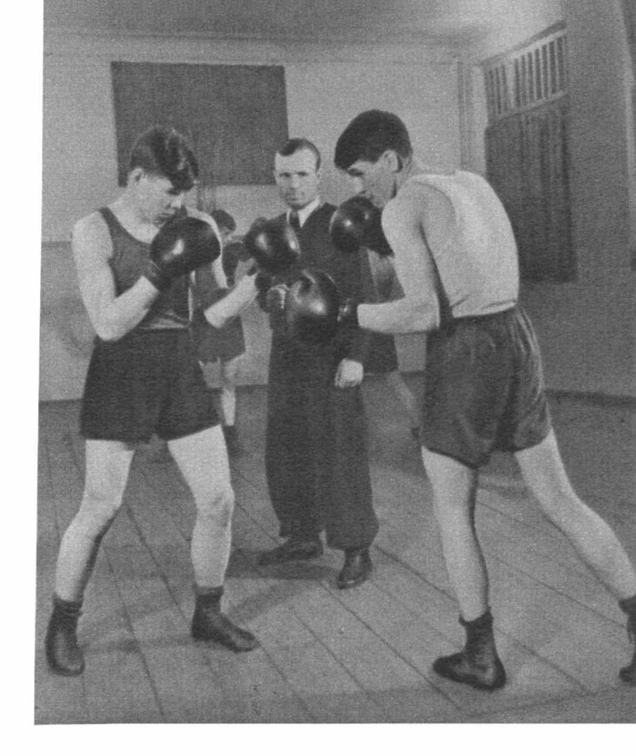
Вот одна из них, полученная Виктором из Малоярославца: «Поздравляю родного. Мама».

Вот другая: «Молодец пришли чертежи Евгений».

Евгений — брат. Тоже токарь. Живет в Калуге, работает в депо. Он еще моложе — ему нет восемнадцати...

А. СТАРКОВ

Фото О. Кнорринга

Виктор Разоренков (слева) со своим тренером по боксу мастером спорта В. Барандеевым.

К концу дня был вывешен плакат-молния.

ВЕЛИКАЯ СЕМЬЯ

Мечты

Маргарита АЛИГЕР

Рисунки В. Высоцкого.

Представьте себе, что вы узнали о незнакомом вам человеке что-то очень хорошее, тронувшее, взволновавшее вас, близкое вашему сердцу, и у вас тотчас же возникло непреодолимое желание немедленно повидать этого человека, сказать ему о своих чувствах, может быть, присоветовать что-нибудь или просто крепко пожать его руку. Вы узнаете адрес и идете к незнакомому человеку, и вот его комната, и вот наконец он сам, и нужно объяснить ему, кто вы, зачем и почему пришли. Представьте эти первые мгновения, и вы поймете, что тут неизбежна неловкость, хотя ничего странного в вашем живом и непосредственном порыве нет. Это очень скоро станет ясно вам обоим: после первых же неловких и, в сущности, ненужных слов вы переступите через порожек затрудненности, и разговор польется плавный, свободный, естественный, от всего сердца.

Именно с этих неловких и очень похожих слов извинений и начинается большинство писем, лежащих сегодня передо мной.

«Здравствуйте, Инга! Наверно, мое письмо покажется Вам странной неожиданностью. Возможно, и подумаете: «Какой-то совершенно незнакомый студент вздумал (от нечего делать) отрывать у меня время своим письмом». В таком случае я готов принести извинение».

«Здравствуйте, Марина! Не сомневаюсь, что это письмо вам покажется странным. Это пишет вам издалека, точнее, из Башкирии, со станции Дема, машинист паровоза...»

«Здравствуйте, Наташа Северина! Вам, конечно, покажется странным, что Вам пишет незнакомый парень из небольшого, малоизвестного городка, который указан не на всех географических картах Советского Союза».

Думаю, что постоянные и внимательные читатели «Огонька» уже догадались, о каких письмах идет речь. Да, эти письма получили девочки из 10-го класса 43-й школы Фрунзенского района Москвы, те самые девочки, которые этой осенью писали сочинения на тему: «О чем я мечтаю». О мечтах девочек рассказали мы читателям в новогоднем номере «Огонька», и разные люди, взволнованные и увлеченные горячими, высокими мечтами советских школьниц, поспешили откликнуться. Всем сердцем потянулись они к тем, чьи думы о будущем живо касаются будущего многих и многих, жизни и судьбы всего нашего народа, ибо все эти мечты устремлены к одной цели — служить родному народу, родной стране, отдать все силы делу построения коммунизма. «Очень правильно сказала Наташа Северина, что ее мечта — это мечта всей советской молодежи, мечта стать в ряды строителей коммунизма, быть полезной Родине...» — пишет юноша из Закарпатья.

Письма летят отовсюду: из Комсомольска-на-Амуре и Ферганы, из Тбилиси и села Б. Покровского, Горьковской области, из московского студенческого городка и Улан-Удэ. Иные корреспонденты, прежде всего ровесники, десятиклассники, пишут, потому что прочитали о своих собственных мечтах, а всегда приятно узнать: есть на свете человек, который думает и чувствует, как ты!

«Я узнала, что ты хочешь стать архитектором. У нас с тобой одинаковая мечта, поэтому я и решила написать тебе,— делится с Марией Богдановой девушка из Комсомольска-на-Амуре. — Дорогая Мария, ты живешь в Москве, кончаешь десятый класс и, конечно, больше меня знаешь об условиях поступления в различные институты, о конкурсах и вообще о студенческой жизни. Я очень прошу тебя, напиши, пожалуйста, все, что ты знаешь об этом. Напиши, пожалуйста, об условиях поступления в Архитектурный институт или на архитектурный факультет Строительного института. Прошу тебя, напиши, пожалуйста, ответ как можно быстрее».

«Здравствуй, Ира! Узнав о том, что ты мечтаешь стать преподавательницей литературы, решила написать тебе, и знаешь, почему? Потому что я тоже очень хочу стать преподавательницей литературы. И тоже, как ты, хочу поехать именно в Сибирь учить советских детей»,— пишет Ире Орестовой десятиклассница из Ферганы.

«У вас, Наташа, уже сложилось свое мировоззрение на театр, и вы твердо решили стать актрисой, так как хотите «отразить жизнь через себя, показать, как она может быть плоха и как прекрасна...» Мне понравилась ваша мысль. Я тоже мечтаю стать актером и хочу спросить у вас, как вы готовитесь к поступлению в театральный институт»,— спрашивает Наташу Захава школьник из маленького киргизского городка Кок-Янгака. Он учится в десятом классе школы, в которой только девять мальчиков, и поэтому школа называется женской.

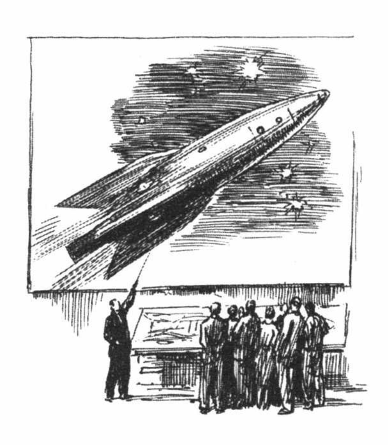
Дети единой советской семьи— у них общая судьба, судьба их Родины!

Студент второго курса Днепропетровского горного института рассказывает Инге Поздняк:

«Вы впервые пришли в школу в тяжелый год для нашей страны (1943). И мне невольно вспоминается этот год. Только я его проводил в другой обстановке: партизанский отряд, мокрые и болотистые леса Белоруссии. Здесь я слушал курс третьего года обучения (3-й класс). Нас в это время воспитывали и обучали педагоги-партизаны, которые, едва окончив занятия, отправлялись на очередное ночное задание, и случалось, что на следующий день нам не приходилось слушать своего учителя — его заменял другой. Но уже в 1944 году мы получили возможность заниматься в мирной обстановке, в хорошем и светлом помещении».

В письме студента огромный внутренний смысл: он старше Инги, но не намного, и поэтому живо помнит и глубоко понимает, какой важный и трудный период жизни переживает десятиклассница, знает, как много значит в такую пору поддержка друга, добрый совет. А он уже сделал выбор, очень счастлив своим выбором и хочет поддержать девушку в ее решении стать геологом. Будущий разведчик богатств наших недр пишет Инге о своей первой производственной практике, которая еще глубже открыла ему многообразие и увлекательность профессии геолога, пишет о трудностях предстоящей работы, которые не поколебали его уверенности в том, что «работа геолога действительно самая интересная. Вот почему я хотел бы в новом учебном году узнать, что вы уже студентка геолого-разведочного факультета такого-то вуза. Если вас будет интересовать что-нибудь о геологической специальности, охотно отвечу и, если разрешите, буду интересоваться вашей учебой».

Так же горячо поддерживают выбор Инги три студентки третьего курса Днепропетровского университета: «Мы очень рады, что тебя не смущают трудности, связанные с этой профессией. Правильно, только в труде рождается настоящий человек». В конце письма девушки приветствуют подруг Инги и просят передать Гале Левченко, что «ее машины нам очень пригодятся: ведь на Марсе исследовать будем мы».

Старшие принимают особенно горячее участие в судьбе младших, советуют, поддерживают, делятся собственным, пусть еще небольшим, но уже настоящим жизненным опытом.

«До конца ли вы продумали свой шаг, связанный с выбранной профессией? Ведь профессия актера очень сложна. Чтобы стать артистом, надо иметь несомненный талант и особенно полюбить искусство театра, чтобы не отступать ни перед какими трудностями»,— беспокоится о Наташе Захава молодой артист одного московского театра.

Студент третьего курса Московского педагогического института имени Потемкина горячо откликается на решение Иры Орестовой стать учительницей и уехать работать в Сибирь:

«Неприятно и странно видеть, как некоторые наши студенты, получая после окончания института направление на работу в различные уголки Родины, стараются всеми правдами и неправдами остаться в Москве. Разве мало учащихся вне Москвы? Разве мало прекрасных школ и институтов выстроено в Советской стране? В этом году летом я был в небольшом городке Чердынь, Молотовской области. Как много впечатлений вынес я от пребывания там! Не говоря уже о прекрасной природе, о которой я расскажу вам в другой раз, меня поразила большая школа-десятилетка с очень сильным педагогическим составом. В школе несколько заслуженных учителей. Видели бы вы, какая атмосфера царит в этой школе! Какая прекрасная дисциплина, основанная не на мерах административного воздействия, а на настоящей тяге учеников к знанию! Пишу сухо и невыразительно, а можно много рассказать вам интересного о том, как приняли меня в этой

школе, как познакомили с педагогами, учениками, как звали приехать после окончания института».

«Дорогой будущий коллега!» — обращается к Марине Резниченко студент четвертого курса агрономического факультета Казанского сельскохозяйственного института. Человек, влюбленный в свою будущую профессию, он прочел в «Огоньке» о раздумьях Марины, о том, что ей хочется работать на каком-нибудь трудном участке нашей жизни, о том, что в этой связи Марина задумывается и о работе председателя колхоза. Это очень обрадовало студента из Казани: «Замечательно, Марина! Вы молодец! Мне приятно услышать о человеке с моими мечтами. Не знаю, право, о чем вам дальше писать. Хочется писать обо всем: как мальчишкой я мечтал о селах, которые не отличались бы от городов; и о том, как я, став председателем колхоза, попытаюсь осуществить свою мечту; и о том, сколько радости в укреплении моей мечты принесла мне работа товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»... Я бывал, Марина, в колхозах. Там столько нового, интересного, растущего, которое нужно развивать дальше и дальше! Колхозы с нетерпением ждут высококультурных, широко образованных специалистов, организаторов, творцов. Это мой практический вывод. И людей, которые разделяют мои взгляды, я считаю своими боевыми товарищами».

В сложное положение попала Наташа Белоусова. Свое сочинение она построила в форме диалога двух девушек, бродящих по рассветной Москве после выпускного вечера и спорящих между собой о том, кем интереснее стать: учителем или архитектором? Всем стало ясно: спор происходит в душе Наташи, и люди решили ей помочь.

«Говорят, что архитектура — застывшая музыка. Совершенно верно. Музыка заставляет человека до глубины души чувствовать и переживать, это же делает и архитектура. Какое-то необыкновенное чувство охватывает нас, когда мы смотрим на зубчатые стены и башни Кремля или на великолепный дворец на Ленинских горах. Я от всей души желаю вам избрать профессию архитектора», — советует Наташе десятиклассник из Тбилиси, сам уже твердо избравший эту профессию. Казалось, совсем уговорили Наташу, и чего уж тут сомневаться, но студент Московского университета считает иначе:

«Когда я окончил десятый класс туркменской средней школы колхоза имени Ленина, Тельманского района, то у меня возникло некоторое сомнение: какая профессия лучше? Помню, как моя мысль колебалась подобно колосу пшеницы в дни ветра... Все же я решил быть не архитектором или педагогом, как пишется в твоем сочинении, а стать экономико-географом. Известно, что архитектор строит здания наших городов на благо счастливой жизни трудящихся страны, а экономико-географ строит «здание» народного хозяйства и тем самым укрепляет экономическую мощь Родины. Архитектор проектирует новые дома, геолог изыскивает новые месторождения, геоботаник изучает типы растений, агролесомелиоратор занимается лесонасаждениями. Но все эти специалисты занимаются только одной стороной великой стройки. Экономико-географ принимает участие в исследовании всех природных условий, занимается изучением производительных сил, чтобы рациональнее разместить их, приблизив к источникам сырья и энергии. Стало быть, надо уметь мыслить и географически и экономически».

Студент увлеченно рассказывает Наташе о своей производственной практике и очень решительно заключает: «Я тебе советую: поступай на наш факультет!».

Может, Наташа и задумалась над этой новой возможностью, но вот перед ней еще одно письмо, написанное не очень уверенным почерком, видимо, автор его — болгарин — только недавно начал писать по-русски:

«Второй год я учу своих детей. Когда они впервые пришли в школу, ничего не знали, а теперь как уверенно пишут: «Мы хотим мира! Мир победит войну! Сталин — это мир!» Они считают, сколько пашет могучий советский «Сталинец», сколько убирает советский комбайн. А когда занятия заканчиваются, дети выходят на поле и своими белыми и красными флажками передают любимую фразу: «Миру — мир!» Я обращаюсь к вам, дорогая, незнакомая Наташа, как к младшей сестре, чтобы побеседовать о жизни, о человеке, о счастье, о радости. Это мое письмо пролетит тысячи километров. Оно придет к вам в Москву, как белый голубь мира. Оно принесет пламенный привет из Болгарии. Может быть, вы прочтете это письмо вслух своим друзьям. Тогда я еще один раз скажу: самое ценное для человека — это жизнь. Первый, кто направляет эту жизнь, — учитель. Поэтому самая важная, самая интересная, самая ответственная, самая благородная профессия — учительская!»

Это и впрямь разговаривают братья и сестры, дети одной могучей, дружной, трудовой семьи, в которую, как ручьи, вливаются все новые и новые судьбы, такие же чистые и ясные, как судьба молодого болгарского учителя. Вот передо мной письмо из братской Чехословакии. Юноша пишет Марине Резниченко, пишет порусски:

«Играю в футбол и увлекаюсь атлетикой, а зимой катаюсь с гор — я веселый человек. Хочу хорошо познакомиться с советской землей, хочу утвердиться в русском языке, просто хочу переписываться с советским человеком». «Я уже много знаю о твоей родине, но это еще очень мало, и я бы хотел узнать больше о людях, о жизни, короче сказать, обо всем», — пишет Инге Поздняк из Вышкова на Мораве. А студентка Пражского университета обращается сразу ко всем: «Мои мечты во многом похожи на ваши: я тоже хочу все свои силы отдать на благо моей Родины, строящей социализм. Я благодарна за слова Вали Караваевой, которая вспоминает также о странах народной демократии, о моей отчизне. Это еще больше утверждает мою любовь к вам, советской молодежи, ко всему великому советскому народу».

А вот письма, испещренные иероглифами, — это китайские школьники интересуются, расспрашивают, просят поделиться с ними опытом общественной и комсомольской работы, рассказать им о Москве, которую они так горячо любят.

Большая, дружная, веселая семья, строящая на земле государство человеческого счастья! В этой молодой семье даже старое слово «счастье» понимают по-новому: «Мне очень понравились ваши слова: «Я счастлива!» Очень хорошо сказано! Вот так же и я, при встрече нового, 1953 года подумал, что я счастлив. А счастлив я тем, что в восемнадцать лет уже вожу комсомольский паровоз «Феликс Дзержинский». Как это все прекрасно!» — пишет один из сыновей нашей чудесной счастливой трудовой семьи. И среди пламенных слов о счастье, о труде и учебе, о коммунизме, о будущем, о Москве самые глубокие и проникновенные посвящены великому Сталину, Коммунистической партии, советскому правительству.

* * *

...Ясным и снежным днем 8 марта нынешнего года возвращалась я из Колонного зала. Только что прошла я в тихом и скорбном потоке родных мне людей мимо высокого ложа, убранного всеми цветами советской земли. Я видела прекрасное лицо Сталина, его добрые, трудовые руки, лежащие спокойно и торжественно, и сердце мое было переполнено чувством, которому нет еще ни названия, ни меры.

В тихом переулочке я невольно замедлила шаги у стенда «Комсомольской правды». Взгляд мой упал на небольшую заметку. Молодые москвички рассказывали о том, как, услышав на рассвете страшную весть, они пошли на Красную площадь, туда, где столько раз в жизни казалось им, что Сталин глядит только на них, именно на них, и под ласковым взглядом вождя шли они прямее, тверже. А потом пришли они в свою школу... Ах, стало быть, это пишут школьники! Я невольно заглядываю в подписи и читаю знакомые имена: Валя Караваева... Мила Жукова... Инга Поздняк...

«Мы комсомольцы! — писали девушки. — Мы помощники коммунистов. Мы приложим все свои силы, все свое старание, чтобы как можно лучше учиться, овладевать знаниями, готовить себя к участию в коммунистическом строительстве. Мы будем продолжать дело великого Сталина».

Пусть помогают эти прекрасные слова расти, и жить, и идти вперед и тем, кто сказал их, и всем их друзьям во всем мире!

СБЕРКАССА № 2652

К. НЕПОМНЯЩИЙ, Б. КУЗЬМИН
Специальные корреспонденты «Огонька»

«...Показателем роста благосостояния населения и доверия к советской валюте является увеличение в 1952 году вкладов населения в сберегательные кассы в 4 раза по сравнению с 1940 годом».

А. И. Микоян.

Со всех концов города Узловая, из окрестных шахтерских поселков и колхозов приходят сюда, в украшенный цветами светлый зал сберкассы. Приходят, чтобы сделать новый вклад или получить свои деньги. Здесь можно встретить самых разных людей: знатных шахтеров-новаторов, пенсионеров, старых рабочих, героев Отечественной войны, многодетных матерей.

Все чаще сберкассу посещают колхозники. Никогда не были так крепки сельскохозяйственные артели района, никогда в сберкассе не было столько вкладчиков-колхозников, сколько теперь.

Здесь, в сберкассе, ощущаешь большие перемены, происходящие в маленьком городе и районе Московской области. Вступила в строй новая шахта, пять колхозов объединились в один, открылся новый магазин, вселились жильцы в новый дом. Все эти события отражаются здесь, в центральной сберкассе № 2652, и в девяти других сберегательных кассах Узловского района.

1 В марте и в начале апреля прошло несколько тиражей государственных займов. В сберкассе наступили горячие дни. Надо, кстати, послать извещения тем вкладчикам, которые сдали свои облигации на хранение и выиграли. Таких в Узловой немало. На снимке вы видите плотника М. В. Марчука у таблицы выигрышей в сберкассе.

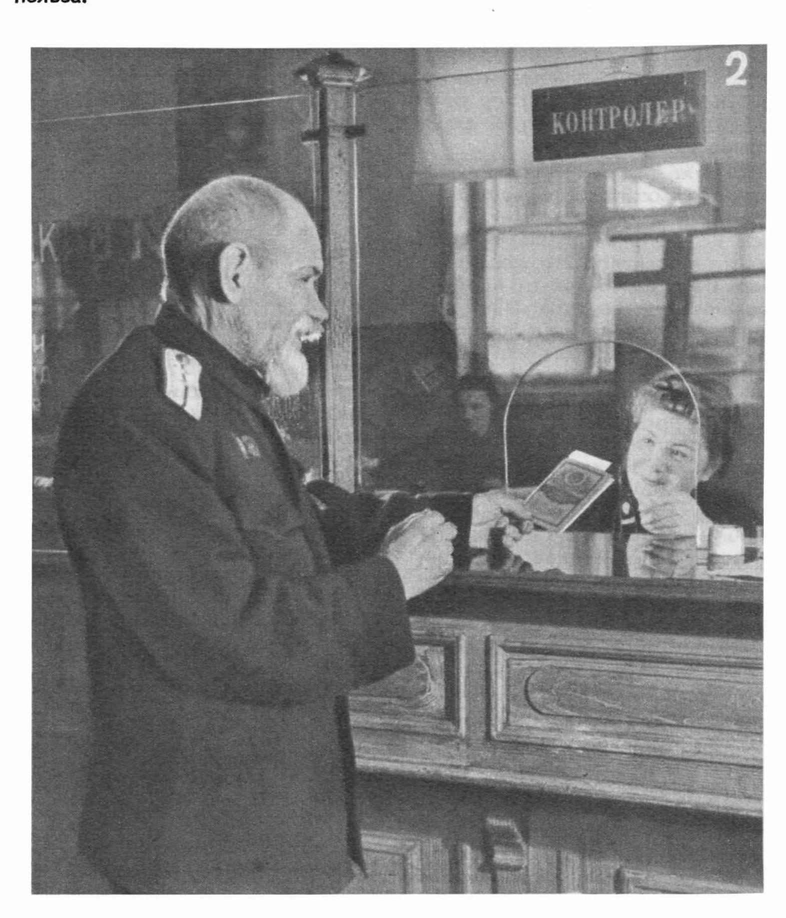
— Вот моя облигация, — говорит, улыбаясь, Марчук и показывает на один из номеров. — Выиграл!

— Сколько?

— 25 тысяч.

— Что же вы с ними будете делать?

— Куплю подарки жене, детям, ну, и себе. А остальные деньги пусть лежат на книжке. Во-первых, целее будут, а во-вторых, государству польза.

2 Василий Григорьевич Сорокин — старейший машинист депо Узловая и старейший вкладчик сберегательной кассы. На транспорте он работает пятьдесят лет. Вклад у Василия Григорьевича не очень большой, но, как он говорит, «с перспективой»: все время растет. Если есть свободные деньги, Василий Григорьевич кладет их на книжку.

— И мой рубль, — говорит машинист, — помогает мой город строить. Я помню Узловую, когда она была маленькой грязной станцией. По весне любой здесь мог потонуть. На том месте, где мы сейчас находимся, болото было. А теперь Узловая — город: строятся заводы, жилые дома, театр скоро у нас будет. Столько улиц новых появилось, что и не упомнишь все.

3 Собирался почетный шахтер Клим Данилович Коваленко проверить свои облигации по таблице последнего тиража, да все никак не мог времени выбрать. И вот пришла к нему домой с таблицей сотрудница сберкассы Ольга Чуваева (справа). Она быстро, одну за другой, проверяет облигации. Выигрыша нет...

— Ничего,— говорит, смеясь, Клим Данилович. — Нет сейчас, значит, будет.

— Конечно, будет, — подтверждает Ольга. — Я еще к вам приду...

4 Этот снимок сделан в Будапеште.

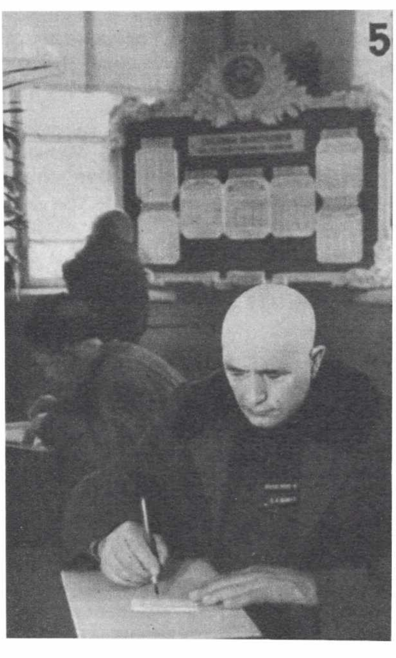
Когда Герой Социалистического Труда Иван Алексеевич Филимонов был там, венгерские шахтеры спросили его, богат ли он.

— Очень богат, — ответил Филимонов и вспомнил слова великого летчика Валерия Чкалова: — На меня двести миллионов советских людей работают, так же, как я на них.

— А лично вы богаты? — допытывались венгерские друзья.

— И лично богат. С тех пор, как я перешел на угольный комбайн, деньги на сберкнижке не переводятся. Семья моя живет в отдельном доме, старший сын, Борис, работает маркшейдером и учится, Сергей, Владимир и Михаил тоже учатся. Вот, говорю, и судите, богат ли я...

5 Из села Хитрово приехал в город председатель колхоза имени Калинина Петр Демьянович Данилов. Приехал за мелом для поросят, известью для парников, стеклом для новых колхозных построек. Закончил все свои дела и зашел в сберкассу. Вчера он получил зарплату и двести рублей решил положить на книжку.

— Осенью поеду в Кисловодск,— рассказывает Петр Демьянович. — В прошлом году я так же вот собрал на книжке деньги, купил путевку и на Кавказ отправился.

По словам Петра Демьяновича, человек триста из его колхоза хранят трудовые сбережения в районной сберкассе.

6 Около двух месяцев назад городская газета «Сталинское знамя» опубликовала статью заведующей сберкассой № 2652 М. К. Бурцевой. В статье говорилось: «В 1940 году в Узловской сберегательной кассе хранили свои деньги 1300 человек. Сумма их вкладов составляла 450 тысяч рублей. Теперь число вкладчиков достигло шести тысяч, а сумма вкладов — 6,5 миллиона рублей».

Мария Константиновна Бурцева снова пришла в редакцию городской газеты с просьбой опубликовать еще одну заметку о сберкассе. За два месяца число вкладчиков возросло до 6 413, а сумма их вкладов достигла 8 миллионов 186 тысяч.

За этой цифрой — молодой растущий советский город и его граждане, их труд на благо Родины, рост благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции.

ТОВАРИЩИ — ДРУЗЬЯ

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. ВИКТОРОВ

«Теперь люди физического труда и руководящий персонал являются не врагами, а товарищами-друзьями, членами единого производственного коллектива, кровно заинтересованными в преуспевании и улучшении производства».

И. СТАЛИН.

ТЕХНОЛОГ И КУЗНЕЦ

Они стоят рядом, плечом к плечу, товарищи-друзья, рабочий и инженер Уралмаша: кузнец Тимофей Лукьянович Олейников и технолог Александр Васильевич Поздеев. Накрепко связаны имена инициаторов движения за комплексную стахановскую технологию, получившего распространение на всех предприятиях страны.

Дружба рабочего и инженера возникла три года назад. Тимофей Лукьянович Олейников, решив собрать воедино все лучшее, что применяют кузнецы Уралмаша, обратился за помощью и поддержкой к Александру Васильевичу Поздееву. Почти год изучали они трудовые приемы кузнецов и подручных, провели множество опытов у молотов, не один час просидели в технической библиотеке. Так родилась единая стахановская технология.

Метод Олейникова и Поздеева, обнародованный на страницах «Правды», вызвал огромный интерес во всех концах страны. В Ленинграде, например, доклады Олейникова и Поздеева в Доме техники пришли послушать полторы тысячи человек.

Содружество технолога и кузнеца продолжается и по сей день. Попрежнему их можно встретить рядом у кузнечного молота и у письменного стола. Жизнь ставит все новые и новые задачи, и инженер Поздеев решает их совместно с Олейниковым, передовым советским рабочим.

Они стоят рядом, плечом к плечу, кузнец Тимофей Лукьянович Олейников (справа) и технолог Александр Васильевич Поздеев.

КНИГА РАБОЧЕГО

Три года назад, когда возникло творческое содружество Олейникова и Поздеева, другой известный стахановец Уралмаша, лауреат Сталинской премии зуборез Виктор Терентьевич Пономарев, поступил на первый курс вечернего машиностроительного техникума.

В ту пору весь Уралмаш учился в стахановских школах, в кружках техминимума, на курсах мастеров, в вечерней десятилетке, в техникуме и Политехническом институте. Об этом тогда же писал «Огонек».

И вот после перерыва мы снова встретились с Виктором Терентьевичем Пономаревым.

— Что нового произошло в вашей жизни за это время? — спросили мы Пономарева.

— Так сразу и не расскажешь,— ответил Пономарев.— Надо потолковать не спеша, да вот времени нет: после работы спешу в техникум на экзамен. Сдаю сегодня курс общей электротехники...

На следующий день мы побывали дома у Пономарева.

— Как прошел экзамен? — спросили мы Виктора Терентьевича.

Он показал свою зачетную книжку студента четвертого курса, в которой стало одной пятеркой больше. А затем мы увидели новенькую, еще пахнущую типографской краской объемистую книгу в коленкоровом переплете.

«В. Т. Пономарев. Высокопроизводительные методы зуборезания. Под редакцией инж. К. П. Малышкина».

— Только вышла,— сказал Виктор Терентьевич.— Вот мы и решили с Малышкиным Константином Павловичем отметить это событие.

Вскоре появились гости: инженер Малышкин с женой и сыном. Пока хозяева дома хлопотали у праздничного стола, Константин Павлович рассказал нам, как возникла его дружба с рабочим-зуборезом.

Малышкин заинтересовался работой Пономарева давно. Инженер опубликовал несколько статей о методе зуборезания, который применил Виктор Терентьевич, и охотно согласился на предложение Пономарева редактировать его книгу. Больше года Пономарев и Малышкин трудились над рукописью. Они встречались по вечерам и дома и в техническом кабинете. Чем дальше продвигалась работа, тем яснее понимал Малышкин, что он имеет дело с человеком большой технической эрудиции, умеющим широко мыслить.

— Да и что тут удивительного? — закончил свой рассказ Константин Павлович Малышкин.— Ведь Виктор Терентьевич — без пяти минут дипломированный техник.

ИСТОРИЯ «ТРУЖЕНИКА»

Этот двухтонный раскаленный слиток совсем недавно вращали вручную шесть человек, шесть подручных помогали кузнецу и машинисту отковывать заготовку. Теперь слиток, пышущий жаром, держит машина, созданная и построенная здесь же, на Уралмаше. Официальное название машины — ковочный манипулятор, но кузнецы зовут ее проще и теплее — «тружеником».

Да, это действительно машина-труженик. Она позволила вдвое сократить состав бригады и значительно повысила производительность молота. История «труженика» — история дружбы кузнецов с начальником кузнеч-

Виктор Терентьевич и Павла Андреевна Пономаревы радушно встречают гостей: инженера Константина Павловича Малышкина с женой Марией Алексеевной.

ного цеха Павлом Георгиевичем Левандовским.

Павел Георгиевич возглавляет общезаводскую комиссию по массовому изобретательству, и через его заботливые руки проходят тысячи рабочих предложений. Однажды после беседы с кузнецом пятитонного молота Петром Николаевичем Сычевым Левандовский тоже стал изобретателем. Сычев, один из старейших кузнецов цеха, сказал с укором Левандовскому: «Когда же мы людей освободим от тяжелого труда? — и показал на своих подручных.— Шутка сказать, какие тяжести ворочают!»

Так возникла идея, осуществление которой потребовало от начальника кузнечного цеха месяцев напряженной работы. Много технических трудностей возникло перед Левандовским. Но каждый раз, придя в цех, он чувствовал такой живой интерес со стороны рабочих, так часто подсказывали ему кузнецы то или иное решение, что, отбросив все сомнения, Левандовский продолжал работать. И вот первый ковочный манипулятор построен, испытан Петром Николаевичем Сычевым и Анной Егоровной Андреевой и вступил в строй действующих механизмов.

Теперь вы можете видеть, как работает «труженик», как легко вращает он двухтонный раскаленный слиток, подставляя его под удары молота. Вы можете видеть, как невысокая хрупкая женщина, Анна Егоровна Андреева, управляя манипулятором, легко заменяет нескольких рабочих.

У ТВОРЦОВ ПЕРВОГО ШАГАЮЩЕГО

Парторг шагающего экскаватора Семен Александрович Плеханов, приехав на Уралмаш, прежде всего навестил Бориса Ивано-

«Труженик» вступил в строй. На снимке (слева направо): начальник цеха Павел Георгиевич Левандовский, манипулятор Анна Егоровна Андреева и кузнец Петр Николаевич Сычев.

Встретились старые соратники по сборке шагающего экскаватора. На снимке (слева направо): бригадир Василий Алексеевич Машошин, лауреат Сталинской премии конструктор Тимофей Емельянович Исаев, рабочий Николай Павлович Максимов, мастер Иван Михайлович Лазарев, лауреат Сталинской премии конструктор Борис Иванович Сатовский, хозяйка дома конструктор Уралмаша Людмила Сергеевна Сатовская. Все они с интересом слушали рассказ парторга первого шагающего Семена Александровича Плеханова.

Тамара Григорьева (слева) и Нина Федотина перед спектаклем.

вича Сатовского — главного конструктора «ЭШ-14-65 № 1».

Для Сатовского первый шагающий уже давно отошел в прошлое. Новые, еще более совершенные и мощные экскаваторы созданы за последнее время. Но первенец — это первенец, и Борис Иванович долго расспрашивал Плеханова, как перевозили экскаватор с Волго-Дона в Сталинград, а потом вспоминал, как собирали «ЭШ-1» уралмашевцы и будущие хозяева огромной машины Усков и Плеханов.

— А почему бы нам не собраться вместе? — спросил Сатовский Плеханова.— Позовем Машошина, Максимова, Лазарева, вспомним славные дни...

Вечером на квартире Бориса Ивановича Сатовского встретились старые соратники, собиравшие первую машину для Волго-Дона. Все они с интересом слушали живой и темпераментный рассказ Плеханова о том, как переезжал шагающий на новую стройку коммунизма, о том, какую задачу будет решать их машина на самотечном канале Волга — Урал...

— Ну, а со сборкой справитесь? — спросил Плеханова Василий Алексеевич Машошин. — Нашей помощи не потребуется?

— За это не беспокойтесь, — ответил парторг. — Не зря мы проходили у вас полный курс академии в сарае...

И все заулыбались, вспомнив мартовские дни 1950 года, когда в сарае на берегу будущего канала начиналась сборка шагающего, когда все они: и рядовые рабочие-монтажники, и мастера, и прославленные на всю страну конструкторы — жили одной дружной семьей, вместе трудились и вместе сдали отлично работающий экскаватор волгодонцам.

ПОДРУГИ

По вечерам Тамара Григорьева, работница цеха буровых машин, и Нина Федотина, техник цеха средних узлов, встречаются в заводском Доме культуры.

Нина Федотина, одна из ведущих актрис драматического коллектива, сыграла уже более пятидесяти ролей. Тамара Григорьева совсем недавно пришла на сцену. В пьесе А. Симукова «Подруги» («Девицы-красави-

цы») девушки играют роли молодых стахановок-подружек. Работая над пьесой, они стали подругами не только на сцене, но и в жизни.

СЛОВО ИМЕЕТ РАСТОЧНИК

В технический совет входят передовые инженеры завода, начальники цехов, ведущие конструкторы, технологи, экономисты.

На этот раз технический совет утверждал проект мощной уникальной дробилки. После доклада главного конструктора Дмитрия Ивановича Беринова выступали со своими соображениями конструкторы, инженеры, командиры производства. Но вот слово попросил расточник Яков Дмитриевич Липин. Председатель совета главный инженер Уралмаша Сергей Иванович Самойлов сказал:

— Слушаем вас, Яков Дмитриевич.

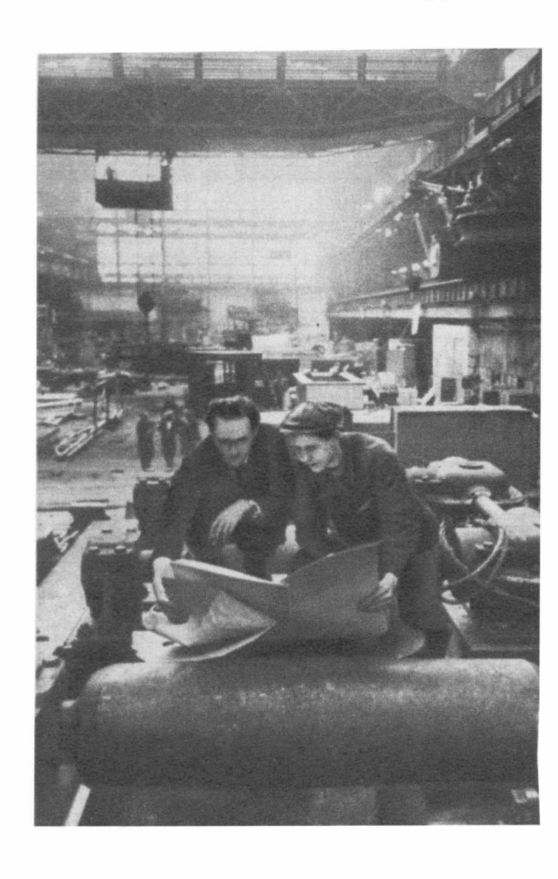
Липин высказал интересные соображения по конструкции дробилки, внес предложения, как значительно облегчить обработку многотонных деталей машины.

Знатный рабочий Яков Дмитриевич Липин — постоянный советчик уралмашевских конструкторов.

Технический совет утверждает проект мощной уникальной дробилки. Выступает расточник Яков Дмитриевич Липин (стоит в центре у стола).

НА СБОРОЧНОМ СТЕНДЕ

Творческое содружество конструкторов и рабочих стало обычным явлением на наших заводах. На сборочном стенде часто можно встретить лауреата Сталинской премии конструктора Георгия Лукича Химича. И сейчас создатель мощных советских блюмингов пришел к сборщикам, чтобы выслушать их предложения. Он беседует с рабочим Германом Павловичем Янченко (справа).

ПЛОДЫ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

Вот история дружбы, возникшей между инженером, мастером и рабочим на занятиях по изучению материалов XIX съезда партии.

Технолог Петр Тихонович Кайдалов, мастер Виктор Иванович Морозов и кузнец Александр Георгиевич Андреев задумались над одним и тем же. В докладе товарища Маленкова, в директивах по пятому пятилетнему плану, в выступлениях многих делегатов съезда большое место было уделено использованию внутренних резервов производства.

— А как мы у себя на заводе используем внутренние резервы? — задали себе вопрос три слушателя политкружка.

Они провели детальное исследование в цехе и пришли к выводу: крупные производственные резервы остаются неиспользованными.

Морозов, Андреев и Кайдалов встретили полную поддержку парторганизации. Так уралмашевцы начали соревноваться за выявление и использование резервов на каждом рабочем месте. В конце прошлого года инициаторы этого соревнования выступили со статьей на страницах «Правды», и их призыв был подхвачен на многих предприятиях страны.

С Морозовым, Андреевым и Кайдаловым мы встретились в Свердловском оперном театре. В свободный вечер вместе с женами они смотрели балет «Берег счастья».

Крепкая творческая дружба связала этих людей, они действительно стали товарищами-друзьями, «кровно заинтересованными в преуспевании и улучшении производства».

В Свердловском оперном театре. Справа налево: Виктор Иванович Морозов, Мария Прокофьевна Морозова, Марина Ивановна Кайдалова, Александр Георгиевич Андреев (стоит), Петр Тихонович Кайдалов и Мария Федоровна Андреева.

Суда готовы к промыслу

Освобождаются ото льда воды Балтики... Вглядываясь в туманные морские просторы, Херман Сепп с удовольствием узнает среди множества судов те, которые построены по его проектам и оснащены новейшими механизмами...

Строил суда в свое время и отец Хермана. Он нанимался к сааремским предпринимателям, то к одному, то к другому — людям жесткой кулацкой хватки, старавшимся за гроши выжать из рабочего человека все силы.

Херману Сеппу не пришлось странствовать по кустарным предприятиям. В 1947 году с группой потомственных судостроителей он участвовал в создании артели. В дальнейшем эта артель стала большим предприятием. С каждым годом расширяются ее цехи.

Херман Сепп теперь стал бригадиром. Ему пригодилось мастерство, унаследованное от отца и деда. Но старого умения мало. Он побывал у астраханских судостроителей. Познакомился со многими рабочими-рационализаторами.

Вернувшись к себе, Сепп засел за изучение русского языка, прочел немало книг по технике судостроения. Он внес изменения в старые конструкции, и теперь по его проектам выпускаются облегченные быстроходные суда. Эти суда выйдут в нынешнем году на рыбный промысел в Балтийское море.

Н. ХРАБРОВА

На снимке: Херман Сепп (в первом ряду второй справа) с молодыми судостроителями.

Фото С. Давыдова.

Токарь-художник

«Лучший токарь-скоростник Московской области» — недавно это звание было присвоено Григорию Ивановичу Солдатову. Двадцатипятилетний токарь Ново-Краматорского завода имени Сталина в городе Электросталь Солдатов постоянно ищет новые производительные методы обработки металла. Своими знаниями он охотно делится с новичками, многие его ученики с успехом работают самостоятельно.

Но токарное дело не единственная профессия Григория Ивановича. Со школьных лет он пристрастился к рисованию. Ныне он два раза в неделю посещает изобразительную студию городского клуба, много рисует дома.

— Студия учит меня, — говорит токарь, — мыслить образами. А это помогает мне лучше познавать весь процесс работы на станке.

Л. РЯБИНИН

Вверху: Г. И. Солдатов у станка. Внизу: Г. И. Солдатов (на первом плане) в изобразительной студии.

Фото А. Шайхета.

КРУПНЫЙ УСПЕХ СОВЕТСКИХ БОРЦОВ

Б. ГУРЕВИЧ, А. ТЕРЯН, Г. КАРТОЗИЯ, Г. ШАТВОРЯН, А. ЭНГЛАС — ЧЕМПИОНЫ МИРА.

В течение трех дней — 17, 18 и 19 апреля — в Неаполе в театре Медитеране происходили состязания на первенство мира по классической борьбе. В них приняли участие более ста первоклассных борцов различных стран, в том числе спортсмены Советского Союза.

Как известно, наши борцы впервые приняли участие в чемпионате мира. В 1947 году они состязались в соревнованиях на первенство Европы. Тогда Н. Белов, К. Коберидзе, И. Коткас показали высокие образцы классической борьбы и завоевали звание чемпионов Европы в своих весовых категориях.

Летом прошлого года советские борцы с большим успехом выступали в Хельсинки на XV олимпийских играх. Золотые медали и звание олимпийских чемпионов завоевали представители Советского Союза Б. Гуревич, Я. Пункин, Ш. Сафин и И. Коткас. Серебряную медаль получил советский спортсмен Ш. Чихладзе, а бронзовые медали — А. Терян и Н. Белов.

Олимпийские игры показали, что наши спортсмены имеют все шансы оспаривать звание лучших борцов мира.

Соревнования в Неаполе полностью это подтвердили. В первый день чемпионата Борис Гуревич боролся с итальянцем Иньяцио Фабра. Эти спортсмены встречались в финальной схватке в прошлом году на олимпийских играх. Тогда победу одержал советский спортсмен. И на сей раз Фабра был брошен на мост, а через несколько секунд коснулся ковра обеими лопатками. Первая победа! На другом ковре Артем Терян одержал победу над шведом Г. Перссоном.

Вечером этого же дня зрители увидели, как олимпийский чемпион Яков Пункин поднял над головой и бросил на обе лопатки Конинга (Саар), Шазам Сафин одержал победу над греческим борцом Петмецасом, а Гиви Картозия — над венгром Немети. Победителями оказались также Г. Шатворян, А. Энглас и И. Коткас.

Первое выступление советских борцов принесло им полную победу.

Спортсмены Советского Союза и во второй день чемпионата добились важных побед, позволяющих им участвовать в финальных схватках.

Б. Гуревич за 12 минут победил саарского спортсмена Симона. Всего пять минут потребовалось А. Теряну, чтобы уложить на обе лопатки Хойзера (Западная Германия). Ш. Сафин победил Матуса (Чехословакия), а Я. Пункин — румына Попеску.

Без особого напряжения Коткас провел борьбу с Вальтнером (Западная Германия). Ему для победы потребовалось всего две минуты.

19 апреля состоялись финальные встречи. К ним с наибольшим числом побед пришли борцы Советского Союза и Швеции.

Крупным успехом советских борцов закончились решающие состязания на ковре. Они показали отличное мастерство, хорошую физическую подготовку и замечательные волевые качества наших спортсменов.

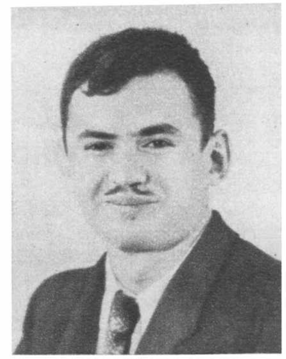
Звание чемпионов мира завоевали пять советских борцов. В наилегчайшем весе победил Борис Гуревич, в легчайшем — Артем Терян, в полусреднем — Георгий Шатворян, в среднем — Гиви Картозия, в полутяжелом — Август Энглас.

В финальной встрече тяжеловесов И. Коткас проиграл шведу Антонссону. Коткасу присуждена серебряная медаль. В полулегком весе чемпионом мира стал Андерберг (Швеция), а в легком — Фрей (Швеция).

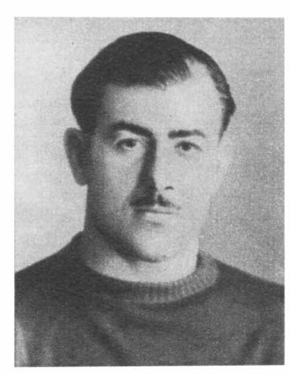
В командном зачете первое место заняли борцы Советского Союза, набравшие 41 очко. На втором месте — борцы Швеции (24,5 очка) и на третьем — Финляндии (20 очков).

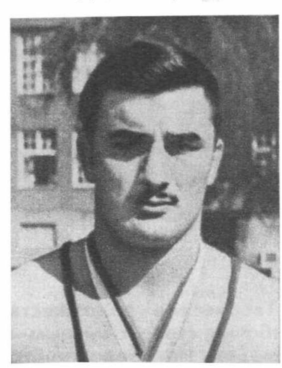
Б. Гуревич.

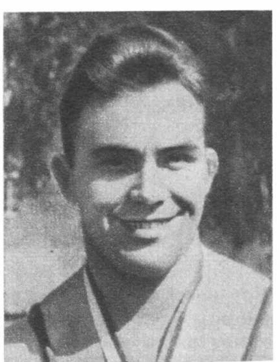
А. Терян.

Г. Шатворян.

Г. Картозия.

А. Энглас.

МАЯКОВСКИЙ В „ОГОНЬКЕ"

Валентин КАТАЕВ

Маяковский любил печататься в массовых многотиражных изданиях. В одном только «Огоньке» при жизни Маяковского было помещено больше двадцати стихотворений. Два стихотворения появились вскоре после его смерти: «Нота Китаю» и «Стихи о советском паспорте».

Я хорошо помню тот день — тридцать лет назад,— когда в редакции «Огонька» впервые появился Маяковский. Это было весной 1923 года, незадолго до выхода в свет первого номера журнала. Страна переживала тягостные, тревожные дни болезни Владимира Ильича. Положение Ленина было настолько серьезно, что правительство выпустило специальный бюллетень о состоянии его здоровья. Возле белых листков, расклеенных на стенах домов, толпились люди. Тень горя и тревоги упала на омраченный город. Она представляла разительный контраст с ярким весенним солнцем, блеском стекол и голубым небом над сиреневыми луковками Страстного монастыря.

Маяковский пришел в редакцию «Огонька» в легком весеннем макинтоше, в кепи, с палкой, повешенной на руку, с толстым окурком папиросы в углу своего характерно очерченного, энергичного рта. Опершись спиной о косяк двери, поэт прочел нам новое, только что написанное стихотворение:

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный
бюллетень...

Это было гениально просто, с небывалой силой выраженное общее чувство всего советского народа. Это были те единственные слова, которые так отвечали нашему душевному состоянию. Как сейчас, слышу раскаты низкого голоса Владимира Владимировича, как сейчас, вижу над его переносицей глубокую короткую вертикальную черту, разделявшую его густые, крылатые брови.

Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь
не литься?
Нет!
не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраницый
грохотать
набатный
ленинский язык.

Стихотворение «Мы не верим» было напечатано в первом номере журнала. Так Маяковский начал сотрудничать в «Огоньке», так появились в печати строки, ставшие классикой: «Не ослабеет ленинская воля в миллионносильной воле РКП», «Вечно будет ленинское сердце клокотать у революции в груди...»

Маяковский не забывал «Огонек». Обычно он приходил днем, вынимал из бокового кармана сложенный вчетверо лист линованной бумаги, на котором помещалось ровно тридцать пять стихотворных строк знаменитой Маяковской «лестнички», и читал свою новую вещь сотрудникам журнала. Так мы впервые услышали многие его лучшие стихотворения: «Киев», «Мексика», «Заграничная штучка», «Мы — Эдисоны невиданных взлетов», «Марш ударных бригад» и многие другие. Поэт помещал в «Огоньке» и свои знаменитые стихотворные рекламы. Своей работе в этой области Маяковский придавал большое принципиальное значение и очень сердился, когда с ним не соглашались. Была у Маяковского, между прочим, реклама, посвященная «Огоньку».

Беги со всех ног
покупать
«Огонек»,—

призывали светящиеся буквы.

В 1923 году Маяковский принес шуточное стихотворение «Схема смеха» с собственными иллюстрациями: шесть картинок, сделанных пером, тушью, в острой манере «Окон сатиры РОСТА». Комизм стихотворения заключался в неожиданных рифмах и в еще более неожиданных логических выводах. Речь шла о том, как по железнодорожному полотну шла баба с молоком и чуть не попала под курьерский поезд.

Была бы баба ранена,
зря выло сто свистков ревмя —
но шел мужик с бараниной
и дал понять ей во-время.

И вдруг совершенно неожиданный и смешной именно этой своей неожиданностью вывод:

Хоть из народной гущи,
а спас средь бела дня.
Да здравствует торгующий
бараниной середняк!

Эта стихотворная шутка была напечатана в пятом номере новорожденного журнала.

В конце жизни Маяковский после довольно большого перерыва снова обратился к драматургии. Он написал «Клопа», потом «Баню». Постановка этих пьес была связана с множеством затруднений, которые очень раздражали поэта. Приходилось бороться с косностью, непониманием, прямыми «зажимами». Многие театральные деятели не хотели признавать Маяковского как драматурга, не видели в его пьесах искусства. Маяковский неустанно, где только мог, разъяснял смысл «Клопа» и «Бани», ездил на заводы и читал свои пьесы рабочим.

В это время Маяковский опубликовал в «Огоньке» две заметки об этих пьесах. Заметки содержат очень важные мысли Маяковского о драматургии, в частности, о комедии.

Вот что, между прочим, написал Маяковский в № 2 «Огонька» за 1929 год о своей пьесе «Клоп»:

«Мне самому трудно одного себя считать автором комедии. Обработанный и вошедший в комедию материал — это громада обывательских фактов, шедших в мои руки и голову со всех сторон, во все время газетной и публицистической работы, особенно по «Комсомольской Правде».

«...Газетная работа отстоялась в то, что моя комедия — публицистическая, проблемная, тенденциозная.

Проблема — разоблачение сегодняшнего мещанства.

Я старался всячески отличить комедию от обычного типа отображающих, задним числом писанных вещей.

Пьеса — это оружие нашей борьбы. Его нужно часто навастривать и прочищать большими коллективами».

А вот что писал Маяковский в заметке «Что такое «Баня»? Кого она моет?» (№ 47):

«Баня» моет (просто стирает) бюрократов... Сделать агитацию, пропаганду, тенденцию — живой, — в этом трудность и смысл сегодняшнего театра».

Очень важные мысли великого поэта о театре!

Знаменитейшее стихотворение Маяковского «Стихи о советском паспорте» было впервые напечатано тоже в «Огоньке» уже после смерти поэта. Но я хорошо помню, как он, живой Маяковский, их читал; помню, с какой особенной силой и гордостью он произносил «серпастый» и «молоткастый», как он затем вытянулся во весь рост, поднял высоко над головой записную книжку и рявкнул:

Читайте,
завидуйте,
я — гражданин
Советского Союза!

Таким он мне и запомнился на всю жизнь.

ЧТО ТАКОЕ „БАНЯ"? КОГО ОНА МОЕТ?

„Баня"— „драма в VI действиях, с цирком и с фейерверком".

„Баня" моет (просто стирает) бюрократов.

„Баня"—вещь публицистическая, поэтому в ней не так называемые „живые люди", а оживленные тенденции.

Сделать агитацию, пропаганду, тенденцию—живой,—в этом трудность и смысл сегодняшнего театра.

Привычка театралов к „амплуа" (комик, „жени" и еще чего-то), к „типам" („33 лет с бородой" или „высокий брюнет после третьего действия уезжает в Воронеж, где и женится")—эта зашаблонившаяся привычка или бытовой разговорный тон—это и есть архаический ужас сегодняшнего театра.

Театр забыл, что он зрелище.

Мы не знаем, как это зрелище использовать для нашей агитации.

Попытка вернуть театру зрелищность, попытка сделать подмостки трибуной,—в этом суть моей театральной работы.

В общем перипетии „драмы" таковы:

1) Изобретатель Чудаков изобретает машину времени, могущую возить в будущее и обратно.

2) Изобретение никак не продвигается через канцелярские рогатки и через главную из них—через тов. Победоносикова, главначпупса — главного начальника по управлению согласованием.

3) Сам тов. Победоносиков приходит в театр, смотрит самого себя и утверждает, что в жизни так не бывает.

4) Из будущего по машине времени является фосфорическая женщина, уполномоченная по отбору лучших, для переброски в будущий век.

5) Образованный Победоносиков заготовил себе и литеры, и мандаты, и выписывает суточные из среднего расчета за 100 лет.

6) Машина времени рванулась вперед пятилетними, удесятеренными шагами, унося рабочих и работающих и выплевывая Победоносикова и ему подобных.

Привожу отрывок последнего. VI действия.

Вл. Маяковский

В. В. Маяковский. Фот. О. Брика

Победоносиков. Итак, товарищи... почему и на чем мы остановились?

Ундертон. Мы остановились на „итак, товарищи".

Победоносиков. Да! Прошу слово! Беру слово! Итак, товарищи, мы переживаем то время, когда в моем аппарате изобретен аппарат времени. Этот аппарат освобожденного времени изобретен именно в моем аппарате, потому что у меня в аппарате было сколько угодно свободного времени. Настоящий текущий момент характеризуется тем, что он момент стоячий. А так как в стоячем моменте неизвестно, где заключается начало и где наступает конец, то я сначала скажу заключительное слово, а потом вступительное. Аппарат прекрасный, аппарату раз, раз и я, и мой аппарат. Мы рады, потому что раз мы едем раз в год в отпуск и не пустим вперед год, мы можем быть в отпуску каждый год два года. И наоборот, теперь мы получаем жалованье один раз в месяц, но раз мы можем пропустить весь месяц в один день, то мы можем получать жалованье каждый день весь месяц. Итак, товарищи...

Голоса. Долой! Довольно! Валяй без молебнов!!! Чудаков, выключи ему время!

(Чудаков подкручивает Победоносикова. Победоносиков продолжает жестикулировать, но уже совсем не слышен).

Оптимистенко (секретарь). В свою очередь беру слово от лица всех и скажу вам прямо в лицо, невзирая на лица, что нам все равно, какое лицо стоит во главе учреждения, потому что мы уважаем только то лицо, которое поставлено и стоит. Но скажу нелицеприятно, что каждому лицу приятно, что это опять ваше приятное лицо. Поэтому от лица всех подношу вам эти часы, так как эти идущие на животе часы будут к лицу именно вам, как лицу, стоящему во главе...

Голоса. Долой!!! Посолите ему язык!! Закрути ему кран, Чудаков!

(Чудаков выключает Оптимистенко. Оптимистенко тоже жестикулирует, но и его не слышно).

Фосфорическая женщина. Товарищи. По первому сигналу мы мчим вперед, прорвав одряхлевшее время. Будущее примет всех, у кого найдется хотя бы одна черта, роднящая с коллективом коммуны—радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью. Удесятерим и продолжим пятилетние шаги. Держитесь массой, крепче, ближе друг другу. Летящее время сметет и срежет балласт, отягченный хламом, балласт опустошенных неверием.

Победоносиков *(жене).* Отойди, Поля!

Ночкин *(обегает, преследуемый).* Мне бы только добежать до социализма, уж там разберут.

Милиционер *(догоняет сыщика).* Держи!!! *(Вскакивают в „машину").*

Фосфорическая женщина. Раз—два—три!

(Бенгальский взрыв. Марш времени. Темнота. На сцене Победоносиков, Бельведонский, Мезальянсова, Понт Кич, Иван Иванович, скинутые и раскиданные чертовым колесом времени).

Оптимистенко. Слезай, приехали!

Победоносиков. Поля, Полечка, пощупай меня, осмотри меня со всех сторон. Кажется, меня переехало временем. Полина! Увезли? Задержать, догнать! Который час? *(Смотрит на дареные часы).*

Оптимистенко. Отдавайте, отдавайте часы, граждани! Бытовая взятка вам не к лицу, как таковая, коль скоро я один от лица всех месячное жалованье в эти часы вложил. Мы найдем себе другое лицо, чтоб подносить часы и уважать. Тоже начальство! Протрубочиститься не сумело!

Иван Иванович. Лес рубят—щепки летят. Маленькие... Большие недостатки механизма. Надо пойти привлечь советскую общественность. Удивительно интересно!

Победоносиков. Художник, лови момент, изобрази живого человека в смертельном оскорблении!

Бельведонский. Не-е-ет! Ракурс у вас какой-то стал неудачный. На модель надо смотреть, как утка на балкон. У меня только снизу вверх получается вполне художественно.

Победоносиков *(Мезальянсовой).* Хорошо, хорошо,—пускай попробуют, поплавают без вождя и без ветрила. Удаляюсь в личную жизнь писать воспоминания. Пойдем, я с тобой, твой Носик!

Мезальянсова. Я уже с носиком, и даже с носом, и даже с очень большим. Ни социализма не смогли устроить, ни женщину. Ах вы импо...зантная фигурочка, нечего сказать! Гуд бай, адье, ауф видерзен, прощайте!!! Плиз май Кичик, май Пончик!

(Уходит с Понтом Кичем).

Победоносиков. И она, и вы, и автор, что вы этим хотели сказать,—что я и вроде не годятся для коммунизма?!!

Конец.

ВНИМАНИЮ ЧАСТЕЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Журнал „ОГОНЕК" включен в рекомендательный список периодических изданий ПУР'а на 1930 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 3 р. 25 к., полгода — 1 р. 75 к., 3 мес. — 90 к.

Подписка принимается всюду на почте

Страница «Огонька», посвященная пьесе «Баня».

ПО ИНДО

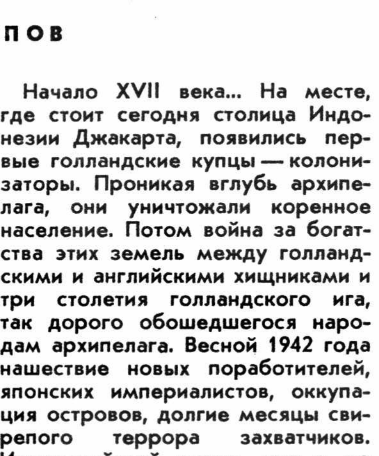
(Путевой фотоочерк)

А. АНТИПОВ

В начале этого года мне довелось побывать в Индонезии.

С волнением вступал я на землю этой страны, народ которой заслужил своим свободолюбием уважение всего человечества.

Могучая растительность, покрывающая берега; ласковое море; горячий воздух тропиков... Благодатная природа, таящая в себе столько даров для человека! И в то же время встает в памяти многострадальная история десятков миллионов людей, населяющих этот гигантский архипелаг, растянувшийся на пять тысяч километров — расстояние, превышающее путь от Лондона до Тегерана.

Начало XVII века... На месте, где стоит сегодня столица Индонезии Джакарта, появились первые голландские купцы — колонизаторы. Проникая вглубь архипелага, они уничтожали коренное население. Потом война за богатства этих земель между голландскими и английскими хищниками и три столетия голландского ига, так дорого обошедшегося народам архипелага. Весной 1942 года нашествие новых поработителей, японских империалистов, оккупация островов, долгие месяцы свирепого террора захватчиков. Индонезийский народ, как и во времена голландского господства, подымает знамя независимости и мужественно борется против японских оккупантов. Борьба патриотов Индонезии против иноземного империализма протекала на глазах у всех народов мира. Она вписала не одну яркую страницу в летопись могучего национально-освободительного движения народов Азии, которое развернулось после второй мировой войны.

...На протяжении нескольких недель проходили перед нами картины жизни Индонезии. Мы видели горы, леса, тропические джунгли, занимающие до двух третей территории архипелага, — лишь одна треть приходится на обрабатываемые земли. Мы видели плантации риса, кукурузы, культуры тапиока, соевых бобов, земляного ореха. Но главная культура и основной продукт питания семидесяти восьми миллионов индонезийцев — рис.

Яркую древнюю яванскую легенду о рисе услышали мы в Джакарте. Суть этой легенды в том, что бог Батара Гуру, создавший необычайной красоты девушку по имени «Искрящийся Жемчуг», полюбил эту девушку, и она согласилась ответить на его чувство лишь при условии, если Батара Гуру принесет ей в подарок кушанье, которое никогда не надоедает. Случилось так, что девушка «Искрящийся Жемчуг» умерла до того, как Батара Гуру принес ей обещанный дар. На могиле девушки выросли неведомые стебли с зернами жемчужного цвета. Это рис. Рис стал для народа Индонезии кушаньем, которое никогда не надоедает...

Так говорит народная легенда. В реальной действительности Индонезии, которую мы видели, выращивание «ненадоедающего кушанья» требует много тяжелого и упорного труда. Особенно нелегко приходится индонезийскому крестьянину на заливных полях. Орудия обработки — первобытная мотыга, в лучшем случае соха. А перед посадкой надо вырвать корни прошлогоднего урожая, выровнять площадь посева, взрыть землю, перемешать грязь...

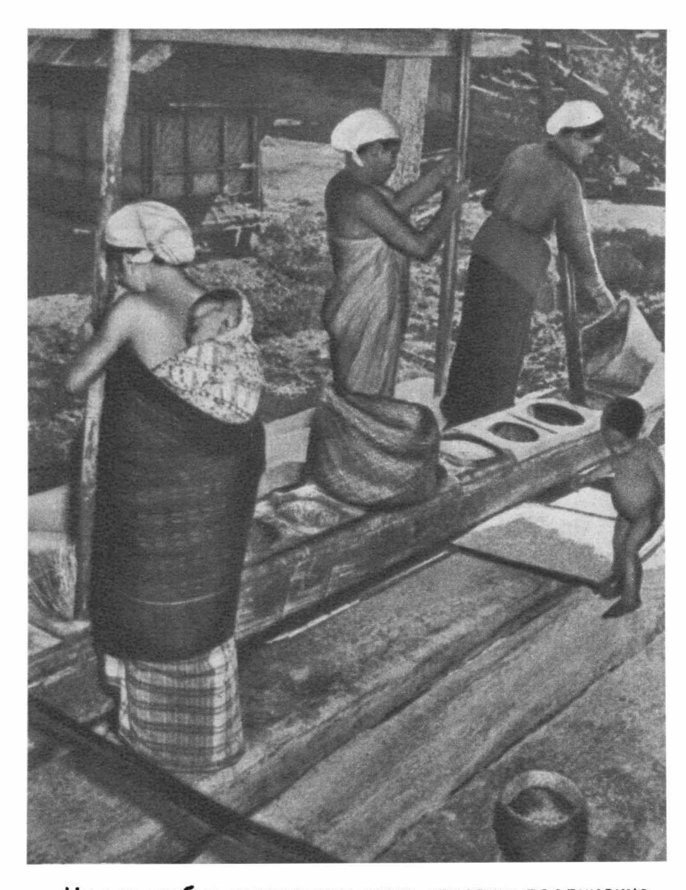

Необычен вид рисовых заливных полей, если смотреть на них с самолета. На много километров они тянутся ступенчатыми террасами, спускающимися с холмов и склонов гор. По сложной оросительной системе вода с верхней террасы переливается на нижнюю, давая живительную влагу росткам риса. Террасы эти созданы титаническим трудом многих поколений индонезийских крестьян.

НЕЗИИ

На рисовых полях мы видели высокие помосты на столбах из бамбука. На них сидят сторожа, оберегающие драгоценные посевы от прожорливых птичьих стай. Механика этого дела несложна: сторож дергает время от времени за концы длинных бечевок, привязанных к расставленным на поле чучелам, чучела машут руками и отгоняют птиц.

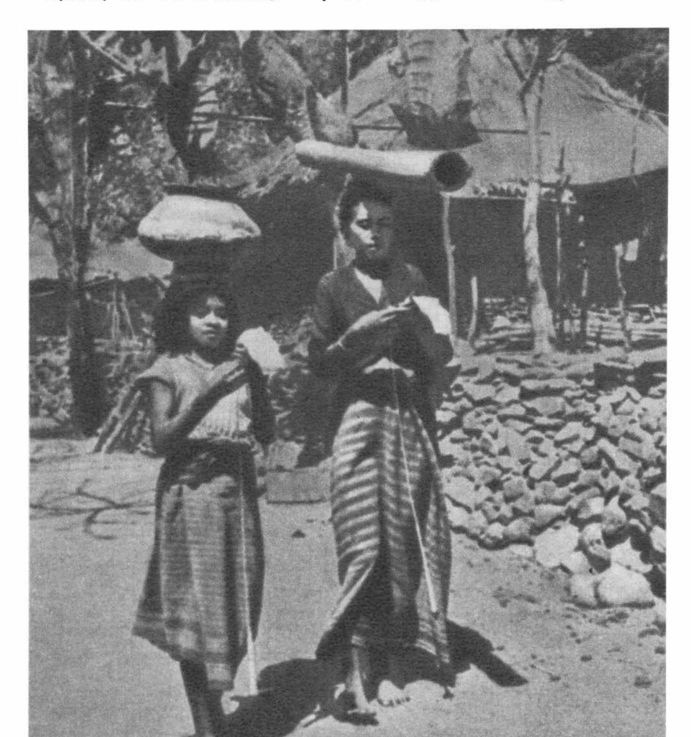

Но вот стебли созревшего риса срезаны поодиночке ножом «ани-ани». После просушки на солнце рис обмолачивают в каменных или деревянных ступах. Обычно эту работу выполняют женщины; здесь же, у этих веками не меняющихся примитивных «молотилок», они кормят грудных детей...

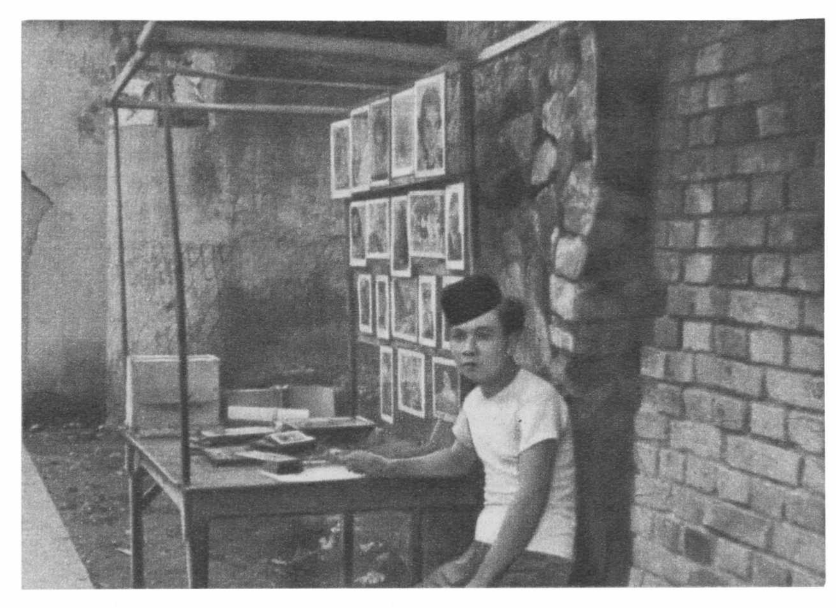
Национальный индонезийский театр — любимое народное зрелище. В своеобразной музыке народных инструментов, в выразительных пластических танцах находят свое отражение древние обычаи и сказания страны. Танец «Леганг», исполняемый этой молодой танцовщицей, изображает «человека с подносом».

В крестьянском доме на Яве или на острове Бали прясть и ткать должна уметь каждая крестьянская девушка. На деревенской дороге встречаются женщины, не оставляющие прядения даже на ходу.

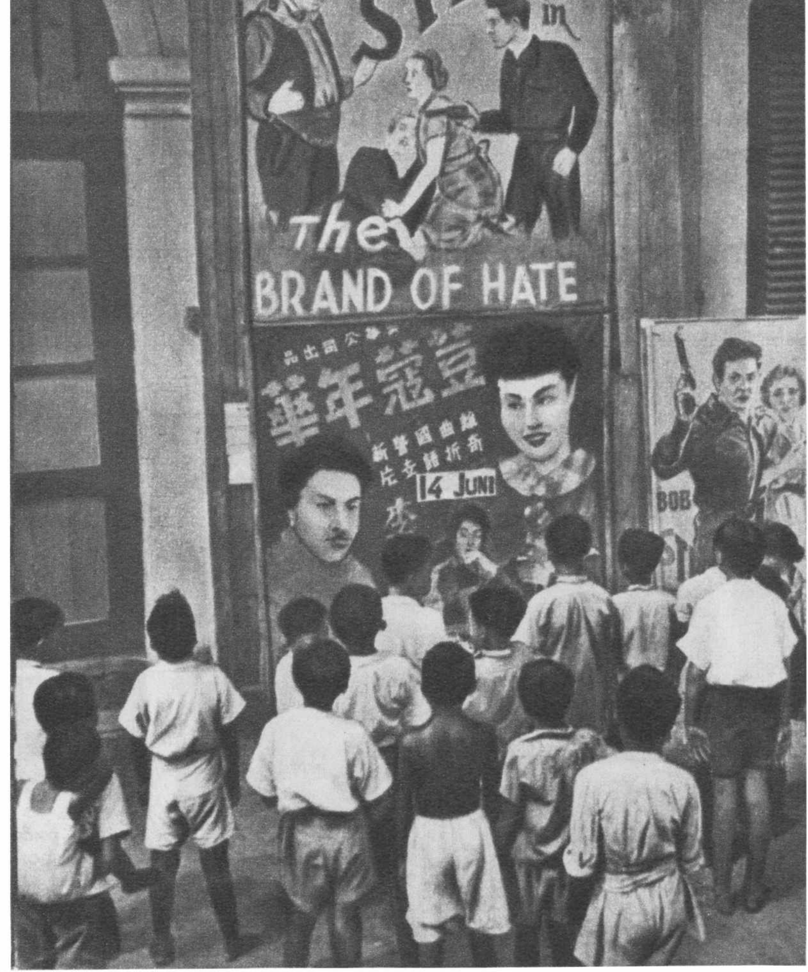

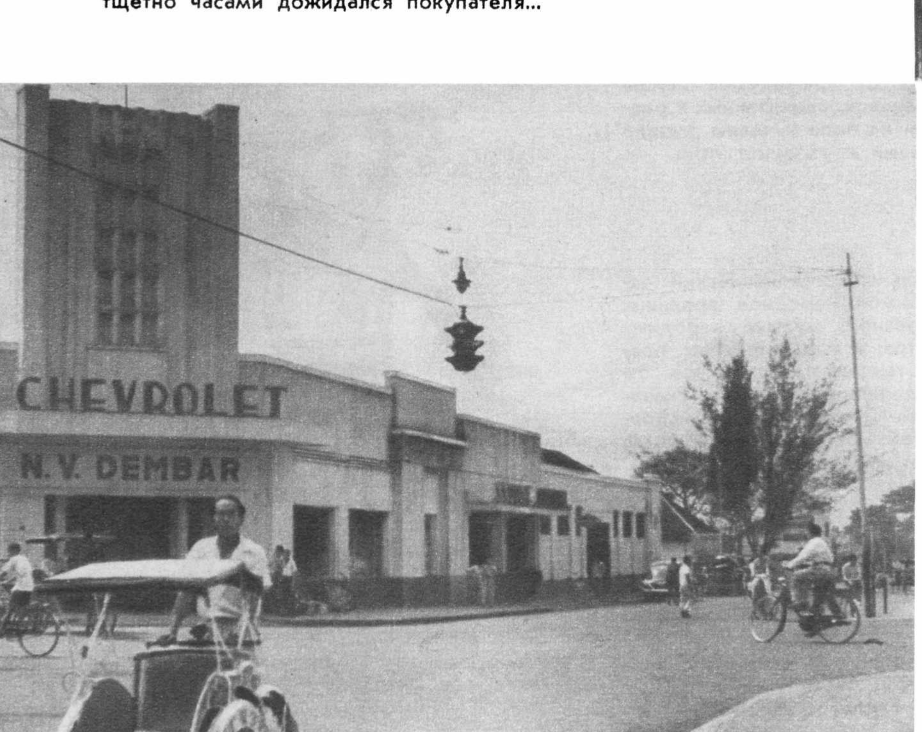
В Индонезии не редко можно встретить замечательные образцы народного искусства, свидетельствующие о высокой художественной культуре, насчитывающей многие века. Перед нами живописец, работающий над сложной стенной фреской, в которой отражен труд индонезийского крестьянина.

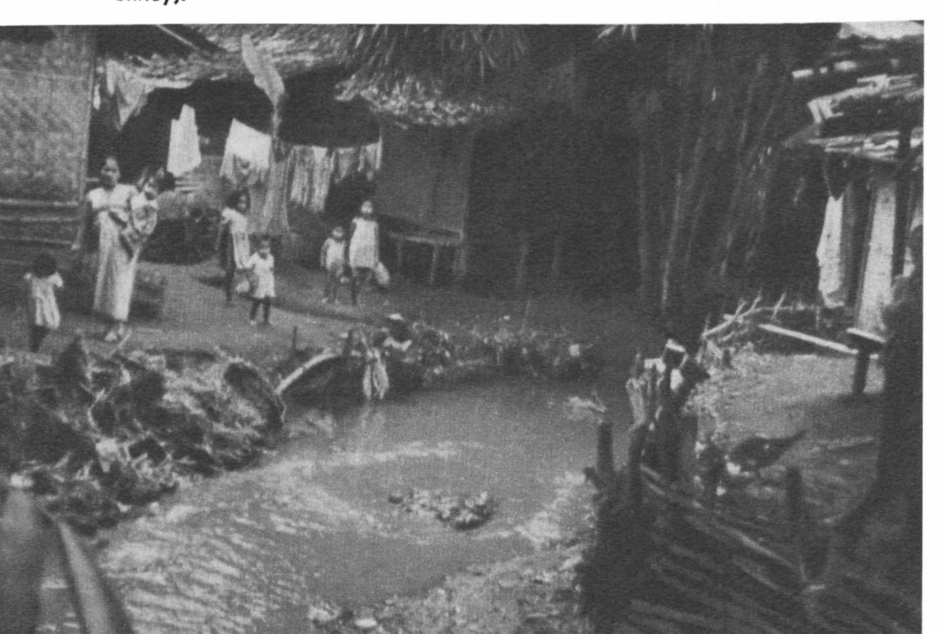

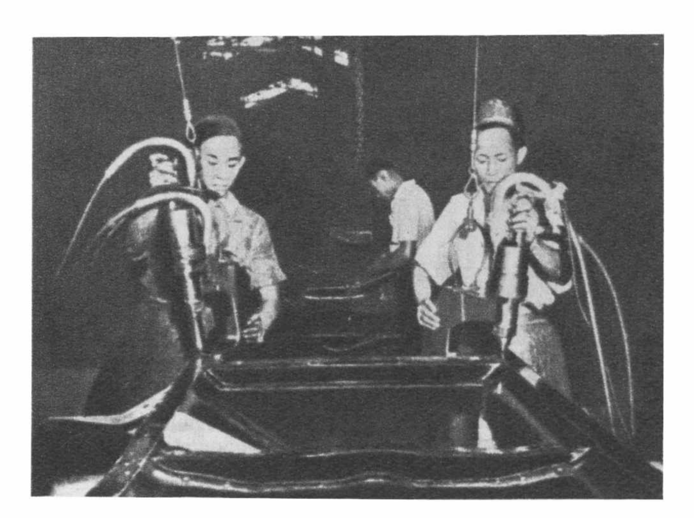
И вот контраст, с которым сталкиваешься на улицах Джакарты и других индонезийских городов. Американские «культуртрегеры», следующие по пятам за бизнесменами, стараются навязать индонезийскому народу образцы другой «культуры»: гангстерские фильмы Голливуда, детективные романы, «комиксы». Мало кто из индонезийцев зарится на эти заокеанские «красоты». Мы видели, как продавец портретов американских «кинозвезд» на одной из улиц Бандунга тщетно часами дожидался покупателя...

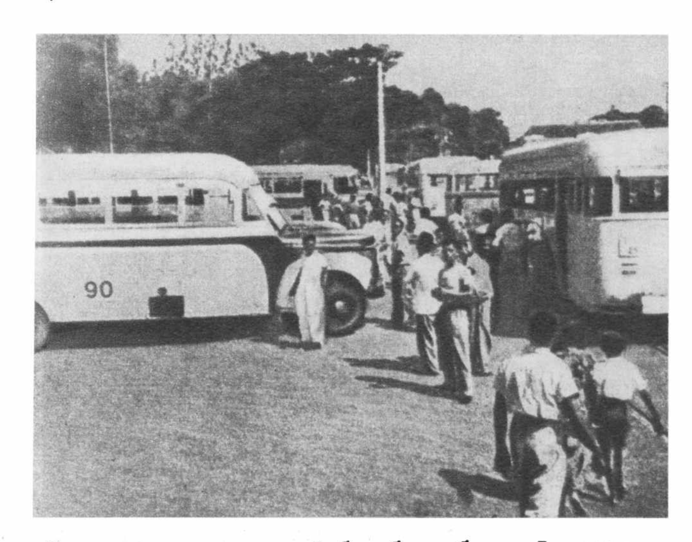

На облике Джакарты, Бандунга и других городов Индонезии лежат тяжелые следы хозяйничанья иноземных эксплуататоров. Банки, конторы, особняки, виллы, города — и по сей день крепость голландских, английских, американских дельцов. Но стоит свернуть с центральной улицы, как попадаешь в мир лачуг, жалких обиталищ большинства городского населения. Так выглядит один из уголков Бандунга (снимок внизу).

В Танджонг-Приоке находится филиал американского монополистического автомобильного гиганта «Дженерал моторс». Капиталистический конвейер втягивает индонезийского труженика в свой изматывающий ритм. Но здесь же, на этих заводах, закаляется и воля индонезийского рабочего к борьбе за свои права, за независимость страны от иноземного экономического гнета.

Вот одно из проявлений борьбы рабочих Джакарты — забастовка водителей автобусов, принадлежащих иностранной компании.

Самолет ищет бурю

Инженер-синоптик Константин Шиков в полете.

ОГОНЁК отвечает

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Е. Умнова.

Читатели «Огонька» А. Ларин (Москва), М. Куликов (г. Горький), Е. Упервицкий (Дзержинск) просят редакцию рассказать о составлении прогнозов погоды для гражданского воздушного флота.

В стеклянной башне

По винтовой лестнице поднимаемся на верхний этаж Внуковского аэропорта и входим в стеклянную башню. Четыре прозрачные грани ее возвышаются над железобетонными взлетными полосами аэродрома, стоянками самолетов, ангарами, скверами и садами. После лихорадочной вокзальной суеты, густого рева и гула авиационных моторов тишина на командном пункте кажется зыбкой, непрочной.

Из репродуктора в ответ на приказания дежурного по полетам доносятся голоса командиров кораблей, ведущих в это время свои машины за много километров от порта.

— Каждую минуту мы принимаем или отправляем самолет, — говорит нам начальник Внуковского аэропорта Герой Советского Союза Вячеслав Филиппович Башкиров. — Движение не прекращается на трассах ни днем, ни ночью. Самолеты прилетают из Пекина и Архангельска, из Праги и Южно-Сахалинска. — Башкиров бросает взгляд на часы, смотрит на аэродром и замечает: — Сейчас придет корабль из Кабула, а через десять минут отправится машина в Сталинабад.

Выходим на балкон. Отсюда видны самолеты, чинно и строго расставленные на бетонных полосах; далекие зубцы черного леса и мелькающие в небе крылья пролетающих кораблей.

— Метеорологи предупредили, — поясняет Башкиров, — сегодня будет густой туман с моросящим дождем. Зная предстоящую погоду и закономерности ее изменения, летчики могут вести самолеты при любой метеорологической обстановке. На линиях работают отличные машины, вооруженные новейшими навигационными приборами; корабли ведут замечательные летчики. Для них важно поднять свой самолет в пункте отправления и посадить его в порту назначения, а в пути погода уже не имеет особого значения, если заблаговременно известен характер ее изменений: летают пилоты в ливень, в пургу, в тумане, без всякой видимости.

Метеорологическая служба, — продолжает Вячеслав Филиппович, — первый друг и помощник летчиков. Авиационная метеослужба организована весьма солидно, работает достаточно точно. Поэтому каждый летчик имеет перед вылетом в рейс точный прогноз погоды, знает, где и когда ему нужно обойти грозу, изменить высоту полета, чтобы избежать обледенения. Для гражданской авиации, как и для всей страны, работа метеорологов очень важна: движение у нас на линиях весьма напряженное и притом круглосуточное.

Пока мы разговариваем, небо темнеет. По земле разливаются мутные волокнистые массы тумана. Черно-серая стена тумана и дождя неотвратимо надвигается на аэродром. В стеклянной башне дежурный по полетам идет к занавесям и резким движением откидывает их в сторону — слабо виднеются бетонные полосы, а рулящие самолеты уже растворяются во мгле.

Зондировщик входит в облака.

Солнце внезапно гаснет. Над головой простирается дымчатая, зловещая тьма. Во мгле проносятся воздушные корабли. Радио ведет их в тумане и дождях, точно указывает, где и как нужно производить посадку.

— Прекратите полеты! — после консультации с начальником центральной авиаметеорологической станции Анатолием Викторовичем Бродским приказывает Башкиров.

На аэродроме наступает непривычный покой. Умолкают моторы. Самолеты, прибывшие во Внуково и не успевшие еще совершить посадку, уходят в специально отведенные для них в небе «зоны», где они переждут, пока не развеется туман.

И вдруг в репродукторе слышится спокойный голос командира какого-то корабля, требующего разрешения на вылет.

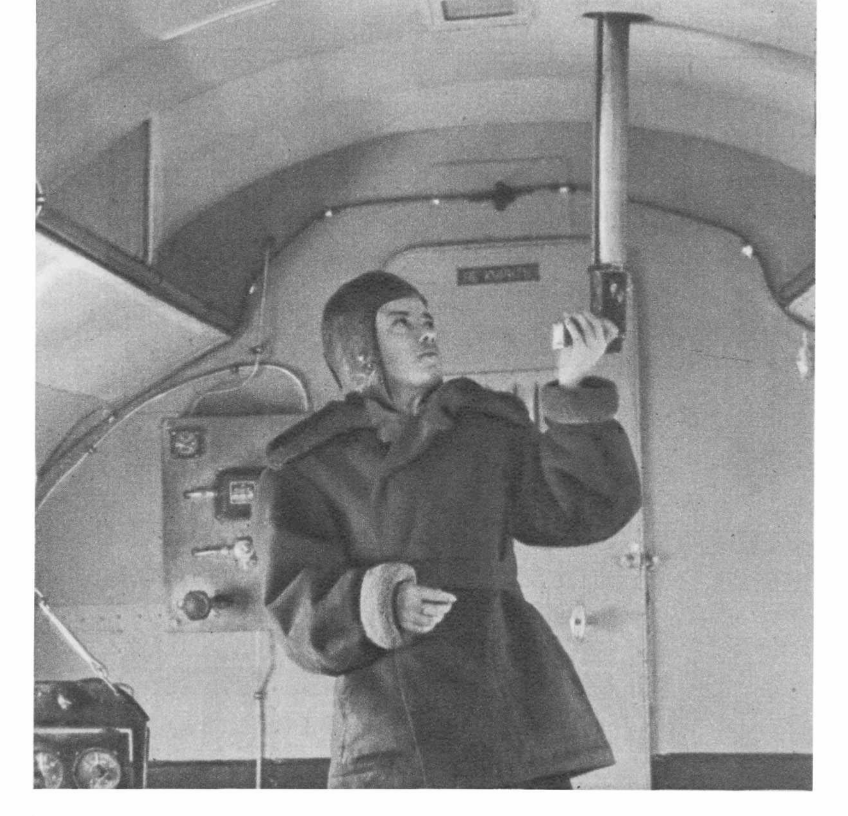
— Зондировщик просится, — сообщает дежурный по полетам.

— Кто летит? — спрашивает Башкиров.

— Крумпин, — говорит Анатолий Викторович.

Дежурный передает в микрофон разрешение на вылет.

— Несколько раз в сутки поднимаются в небо Москвы зондировщики, — поясняет нам Бродский. — Самолеты зондируют — исследуют — верхние слои атмосферы. Находящиеся на их борту аэрологи передают по радио необходимые сведения о погоде. Экипажи зондировщиков имеют исключительное право и возможность летать в самых тяжелых метеорологических условиях. Чем хуже погода, тем чаще приходится вылетать зондировщикам; летают они в грозу, во время обле-

С помощью «заборника» техник-бортаэролог В. Гальковская получает пробу воздуха.

денения, в туманах. Наши зондировщики иногда специально ищут грозу, чтобы научные работники могли производить в небе важные наблюдения.

«Летающая обсерватория»

Обвешанный метеорологическими приборами, самолет-зондировщик готов к вылету.

Входим в кабину воздушного корабля. Впечатление такое, что перед вами обсерватория. В кабине, за бортами машины, на ее крыльях—всюду размещены приборы и аппараты. Техник-бортаэролог Валентина Михайловна Гальковская надевает на голову шлем с кислородной маской и садится в мягкое кресло. Перед ней маленький стол с микроскопом. Седьмой год регулярно совершает отважная женщина полеты на зондировщиках. Валентина Михайловна провела более тысячи часов на больших высотах, в густых облаках, летала во время жестокой «болтанки» и во время обледенения.

Рядом с бортаэрологом занимает место инженер-синоптик комсомолец Константин Шиков. Юноша будет вести в полете бортжурнал, отмечать по приборам высоту и скорость полета, температуру и влажность воздуха, результаты изучения строения облаков.

Командир корабля Эрнест Петрович Крумпин, коренастый сибиряк, ведет зондировщик среди густо расставленных самолетов.

На борту зондировщика собрались смелые, отлично знающие свое дело авиаторы. День за днем буднично, просто выполняют они сложные и ответственные полеты ради обеспечения безопасности и регулярности полетов сотен и сотен самолетов. Это они поднимаются навстречу грозам, пурге и ливням; каждый день оставляют они в небе серебристые следы своих высотных трасс.

Слева направо: летчик И. И. Мартюшев, командир корабля Э. П. Крумпин и инженер-синоптик К. А. Шиков обсуждают итоги полета.

Взлетаем в сплошной тьме. Бортаэрологи тотчас приступают к работе. Шиков передает радисту самолета первое сообщение — через несколько мгновений в порту получат важные сведения с борта зондировщика.

Туман сливается с облаками. Стрелки приборов показывают: мы находимся на высоте 3 000... 4 000... 5 000 метров. Поднимаемся все выше и выше.

Вместе с бортаэрологами надеваем кислородные маски. Валентина Михайловна через определенное время поднимается с кресла, берет в руки «заборник воздуха» — своеобразный толстоствольный револьвер — и вставляет его дулом в специальное отверстие в потолке кабины. Бортаэролог нажимает на курок; мгновенно открывается щель в «заборнике», и воздух, насыщенный влагой, попадает на маслянистую поверхность стеклянной пластинки. Валентина Михайловна вынимает «заборник», достает из него стеклянную пластинку и ставит ее под микроскоп.

За окнами снег. Валентина Михайловна с помощью прибора исследует снежинки под микроскопом. Когда смотришь на волшебной расцветки кристаллики, увеличенные стеклами микроскопа, поражаешься красоте причудливых форм снежинок и забываешь, как опасны они для авиации...

Шиков внимательно следит за крохотной моделью крыла самолета, установленной за окном, рядом с его сиденьем. На модели, как на настоящем крыле, появляются ледяные кристаллики: началось обледенение...

Ледяная пленка затягивает не только модель крыла, она цепляется и за лобовую кромку настоящего крыла, несущего самолет, тянется к фюзеляжу и капотам моторов. Прильнув к металлу, она растет, крепнет и тяжелеет.

Стрелка остановилась за цифрой 6 тысяч метров. Самолет отяжелел от ледяного груза, он дрожит. Подниматься выше становится труднее. Шиков, прильнув к окну, наблюдает за моделью крыла самолета, обвитой ледяной пленкой. Радист передает радиограммы на землю. От них-то зависит решение, можно ли открыть аэродром.

— Летим к солнцу, а темно, — шутит инженер-синоптик.

В кабине горят лампочки. За окнами разливается кромешная тьма. Шиков включает мощный прожектор. За бортом зондировщика в белом широком потоке света пролетают клочья облаков.

Вдруг за окнами посветлело. Гаснет прожектор. Зондировщик прорезает густую облачность.

— Установлена верхняя кромка облачности, — сообщает на землю инженер-синоптик.

Черная тень от самолета скользит по снежно-белому скоплению взлохмаченных облаков. Зондировщик летит по горизонтали, отыскивая, где же кончается сплошная облачность.

Передана последняя сводка с борта самолета. Через час пятнадцать минут зондировщик идет на посадку. Медленно поднимается с земли туман. Моросит дождь. В аэропорту уже ревут моторы. Крылатые тени воздушных кораблей мелькают среди белесой мглы.

Когда стучат телетайпы...

На втором этаже аэропорта стучат автоматические пишущие машинки — телетайпы. Стучат они днем и ночью, передавая из Центрального института прогнозов сводку погоды со всех концов мира. На белых лентах бумаги непрерывно появляются бесчисленные цифры. Колонки цифр имеют адреса: Киев, Минск, Владивосток, Польша, Франция, Исландия. Тысячи советских и зарубежных метеостанций по нескольку раз в день сообщают о состоянии погоды в самых различных местах планеты. Каждая принятая цифра имеет свой смысл: она рассказывает о движении масс воздуха, о циклонах и антициклонах, о бурях и штилях.

Авиаметеорологическая станция Внуково не только принимает обильную информацию, но и сама производит многочисленные и сложные наблюдения, оповещает мир о погоде на своем участке.

Чтобы летчик получил правильный прогноз погоды и знал, что встретит он на трассе, лежащей через Урал к берегам Тихого океана или через степи и море в Ашхабад, работники метеослужбы и несут свою почетную вахту. Они улетают с зондировщиками, пускают в небо большие шары с автоматическими радиостанциями.

Все сведения заносятся на синоптические карты. Звездочка, нарисованная на такой карте, обозначает снег, запятая — морось, точка — дождь, зигзаг со стрелкой на конце — грозу, три черточки одна над другой — туман... Линия, идущая сначала вверх, а потом вниз, показывает, что давление за последние часы росло, а потом начало падать.

Анатолий Викторович Бродский проводит нас в большой зал-штурманскую. На стенах висят карты, на столах — карты, в руках летчиков и штурманов — карты. Начальник штурманской службы аэропорта майор гражданской авиации Николай Федорович Костенко собирает командиров воздушных кораблей, отправляющихся в рейс для предполетной метеорологической консультации. Старшие инженеры-синоптики Вера Ивановна Калмыкова и Зоя Александровна Спорышкина приносят синоптические карты. Начинается быстрый, точный и ясный разговор о погоде на авиационных линиях...

Появляются знакомые авиаторы с зондировщика. Они докладывают Костенко о готовности лететь в верхние слои атмосферы.

Летчики идут к самолету. Ревут моторы. Зондировщик рулит по бетонным полосам и вскоре исчезает в небе. Только серебристые полосы обозначают исчезающие его следы на большой высоте. И сегодня и завтра будут подниматься разведчики погоды. Скромно, незаметно помогают они ученым изучать сложные процессы в облаках, проникать в тайны природы.

Ф. П. Решетников. ОПЯТЬ ДВОЙКА.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

А. М. Грицай. НАД ВОЛГОЙ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Н Н Чебаков. ПАВЛИК МОРОЗОВ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Лирическая повесть

Сергей СМИРНОВ

Я жил до войны беззаботно, легко,
Работал, учился, считая,
Что счастье мое далеко-далеко,
Как в небе звезда золотая.

Любил помечтать, недоступность храня,
О милой, которая где-то...
Однажды приносят письмо для меня
В конверте небесного цвета.

Читаю, под шум заоконных берез
Готов заплясать, закружиться:
Далекая девушка пишет всерьез,
Что хочет со мной подружиться,

Что знает меня понаслышке она,
Что ждет не дождется ответа.
В то время как раз наступила весна,—
Нельзя не учитывать это.

Я тут же даю откровенный ответ:
«Послушайте, девушка с юга,
Ни славы,
Ни собственной комнаты нет
У вашего бедного друга.
Не стану скрывать, что без матери я,
Как дерево вырос кривое».

И это признанье, скажу не тая,
Задело ее за живое.

«Да как вам не стыдно!! — писала она,
Ответ мой цитируя вкратце.—
Поймите,
Вам жизнь молодая дана.
Не смейте же зря прибедняться!..»

Я сразу смелей:
Мол, имейте в виду,
Звезда нашей дружбы в зените.
Посланий от вас круглосуточно жду.
Пишите, пишите, пишите!

Мы в письмах знакомились чуть ли не год.
Сквозь ясные дни,
Сквозь метели,
Сквозь синие ночи и мрак непогод
Ко мне ее строки летели.

Я тоже ответ за ответом даю,
На чувства уже намекая.
Она присылает открытку свою
С автографом:
«Вот я какая!»

Никак не любя оставаться в долгу,
Письмо завершаю словами:
«Зачем я, как птица, летать не могу!
Желаю увидеться с вами!
И если нам жизнь молодая дана,
Продолжимте устно беседу!»

Тогда телеграмму прислала она:
«Встречайте.
Решилась и еду...»

Тревоги моей не опишешь пером.
Я вышел из дома с рассветом
И первым пришел на безлюдный перрон
С измятым перронным билетом.

Глядел на дорогу до боли в глазах,
Читал объявленья у камер.
И вот уже поезд
на всех тормозах
Возник,
Отдышался
И замер.

И вышла она, не покрыв головы,
Никто с нею рядом не вышел.

Тут я подбежал,
Говорю:
— Это вы!!
И стук ее сердца услышал.

Какая-то крыша осыпала нас
Веселой апрельской капелью.
Смущенью назло мы пришли через час
К друзьям, в холостяцкую келью.

Так вот оно, счастье,
под ручку со мной,
Курносое,
В платьице синем.

Да здравствует золото влаги хмельной!
А ну-ка хрустальные сдвинем!

Я этим парадом командовал сам.
Шампанское брызги кидало
И, надо сказать,
Не текло по усам,
А полностью в рот попадало.

Сердечного чувства крылатая власть!
Я вслух декламировал даже,
Мол, «ка-ва-лер барышню хочет украсть...»
И слышал смешное:
— Когда же!

Решили,
что кончит она институт
И в жизни займет свое место,
Мы снова увидимся там или тут.
Не так ли, товарищ невеста!

Нам радостно-радостно было двоим
Бродить по Москве до рассвета...
И снова к делам неотложным своим
Уехала девушка эта.

На столике локон ее золотой
Да пестрый платок из батиста.
И стало мне грустно без девушки той,
Как лесу без птичьего свиста.

Немая печаль обуяла меня,
Лишила покоя, связала.
Я сел на трамвай,
не имея коня.
— Кондуктор, билет до вокзала!

Есть в этом манящая прелесть своя:
Мелькает вокзальное зданье,
А ты уезжаешь в чужие края,
За тысячу верст на свиданье.

Уже через двадцать четыре часа
Я был на речном косогоре,
А рядом Днепра голубая краса
Да степь, как зеленое море.

Ищу адресата,
Навстречу бегу
И, ложную спесь отметая,
Дышать, говорю, без тебя не могу,
Печаль ты моя золотая!

Мы встретились так,
Что казалось, для нас
Безлунная ночь наступала,
Костер за Днепром полыхал и не гас,
Акация цвет осыпала.

Рассветы июня,
звенящие дни,
Прогулки вдвоем,
Обещанья...
Как стая стрижей,
пролетели они.
Опять наступило прощанье.
На пыльном перроне осталась она,
Во все голубое одета.

...И тут
налетели фашисты.
Война!
Все письма мои — без ответа.

...Негодный по самым законным статьям,
Три года
По личной охоте
Я жил средь обстрелов, бомбежек и ям
В моей неустанной пехоте.

Шагал рядовым посреди рядовых,
Обстрелянных, бравых, бывалых,
Скорбел по убитым и славил живых
На наших болотных привалах....

По-русски работали штык и клинок
В лавине огня и металла.
Бежала земля у врага из-под ног,
Взрывалась и к небу взлетала.

И вышло фашистам —
капут и каюк!
Да здравствуют два этих слова!

Я после Победы
Метнулся на юг,
На поиски счастья былого.

Но, видимо,
слишком оно далеко,
Откуда ни звука, ни эха.
...По радио
Кто-то искал Сулико
И тоже, как я, без успеха...

Ни хаты, где в окна смотрела сирень,
Ни глаз, откровенности полных...
Нарядный картуз заломив набекрень,
Стоял у развалин подсолнух.

...И вот
С пехотинской заплечной сумой,
Не глядя на встречные лица,
Я очень поспешно собрался домой,
Туда, где сверкает столица.

Звучала обратная песня колес.
Жара говорила о лете.

...Я ветку полыни оттуда привез
И спрятал
В военном билете.

Друзья окружили теснее родни.
Был каждый участлив и светел.
— Ну, как там невеста! —
спросили они.
Подумал
И тихо ответил:

— Той девушки нет:
Говорят, что она
Погибла во время обстрела.

И в памяти
сразу же встала война,
Где прежнее счастье сгорело.
Подкатывал к горлу
Соленый комок,—
Увы, не воротишь былого...
Я взял себя в руки
и твердо, как мог,
Продолжил ответное слово:

— Я высшей наградой считаю, друзья,
И сердцем ее понимаю,
Что с вами солдатская дружба моя
Дошла
до Девятого мая!

Не все возвратились обратно...
И я
Такое вношу предложенье:
Почтимте их память вставаньем, друзья!

И замерли мы без движенья.
И стоя
распили хмельное вино.

А счастье
Не пряталось где-то.
Казалось,
что рядом стояло оно
В одежде
Защитного цвета.

ГОСТЬ С КУБАНИ

Рассказ

Д. ИСЛАМОВ

Рисунки О. Верейского.

I

Я почувствовал усталость, когда остановил комбайн. Была теплая августовская ночь. От реки изредка тянул ветерок. В темном небе часто падали звезды. На полевом стане второй бригады заиграла гармонь, запели девушки:

Зацвела черемуха у дома...

Хорошо поют, значит, там Рашида! Много девушек в аулах по берегам Ак-Идели, а ни одна не сравнится с ней. Лучше всего у Рашиды глаза, но какие они, не могу объяснить, да и никто не сможет: еще ни один парень не осмелился посмотреть ей прямо в глаза.

А как она работает! На сенокосе трудно с ней было тягаться самым сильным парням. Сейчас она вяжет снопы — и снова первая!

Вот подумал, что Рашида недалеко, и усталости как не бывало. Я умылся, стал переодеваться, а мой помощник Шайхулла-агай усмехнулся и говорит:

— Иди, повеселись! Поспать успеешь и в старости.

Ну что я мог ответить? Не скажешь: «Эх, Шайхулла-агай, дочь твоя спать не дает, хоть бы замолвил словечко!»

— Скоро вернусь! — ответил я и пошел вдоль молодой лесной полосы.

Иду, тороплюсь, а сам мечтаю. О чем мечтают в двадцать лет? Все о той же Рашиде...

Казалось бы, все хорошо: по МТС занимаю третье место. Вчера выработал две нормы. И сегодня, наверно, не меньше. Недавно мой портрет напечатали в газете... А что, если попытать счастья? Кто знает, может, и станет моей Рашида, эта гордая и простая девушка, по которой вздыхают все джигиты нашего края?

Я и не заметил, как дошел до полевого стана. Увидел Рашиду и как обжегся: разом пропала смелость. А она взглянула мельком: есть ли ты на свете, нет ли тебя, какое ей дело? Даже сердце запеклось от обиды...

Все же и я не из теста слепленный! Эх, думаю, будь что будет! Потихоньку подсел к ней, шепнул:

— Рашида, нужно с тобой поговорить...

Она быстро взглянула и пропела:

— Глаза милого черней
Черных милого бровей...

Я даже растерялся: не то шутит, не то вправду?!

Ждал я, ждал, а она все сидит. Как быть? Вот не хватает смелости — и все тут! Неужели и сегодня уйду ни с чем? Кто ж виноват? Ты сам и виноват, Арслангарей. Ну ладно, как-нибудь я ей все выскажу. А сегодня уже поздно, пора уходить.

— Спокойной ночи, девушки!

И вот ведь она какая, Рашида: не прошел и десяти шагов — догнала.

— Ну, что ты хотел сказать, Арслангарей?

Не помню, о чем я тогда начал говорить: кажется, о падающих звездах. Рашида удивленно посмотрела на меня:

— Ты звал поговорить о звездах?!

Тут я совсем смешался, а она все глядит с недоумением.

— Будем друзьями! — выпалил я наконец.

— Мы же и так не враги! — улыбнулась Рашида.

— Не просто так, а... А по-другому... Очень близкими друзьями... Вечными друзьями, Рашида.

— Вечные друзья, вечные друзья, — повторила Рашида, опустив глаза.— Странный ты, Арслангарей! Мы же и так очень хорошие друзья...

В растерянности начал я мять в ладонях пшеничные колосья, что стояли, покачиваясь, рядом.

— Чем же колосья виноваты? — засмеялась Рашида.

Тут я решился наконец:

— Оба мы работящие. Трудодней у нас много. Эх, Рашида,— говорю в отчаянии,— как жили бы мы!.. Я же тебя люблю!

И замер: что-то она скажет? Но только она ни капельки не смутилась.

— Успокойся,— сказала,— Арслангарей. Давай поговорим о другом... Хороша ли, плохали, а все же я секретарь комсомольской организации. И тебе, комсомольцу, дается важное поручение. Ты убрал уже сто шестьдесят гектаров... Это, конечно, очень хорошо! А рядом с тобой Сафа никак не может дотянуть до ста пятидесяти. Надо бы ему помочь! Ты подумай об этом, а завтра скажешь. Ладно?

— Эх, Рашида! — отвечаю.— Ради тебя готов не только Сафе помочь, готов в огне сгореть!

Она прерывает:

— Только чтоб не ради меня, а ради общего дела, ради колхоза.

Я стал было припоминать красивые, ласковые слова, но они не понадобились. Рашида заторопилась:

— Смотри-ка, уже светает! А завтра ведь не праздник. Доброй ночи, Арслангарей!

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду.

II

Погода испортилась. Едва прошел грозовой ливень, как налетела буря. Работать нельзя, и мы злимся.

Бригадир сообщил, что к нам едет кубанский комбайнер. Решили его встретить, пока хлебà подсыхают после дождя.

У переправы было уже много народу. После ливня Ак-Идель вздулась и замутилась; неистовый ветер гнал крутые волны.

Рашида тоже была на берегу. Мы приветливо поздоровались, и я поспешил рассказать, что два дня подряд ходил к Сафе. У него солома застревала в барабане, я помог исправить...

— Знаю, знаю! — радостно ответила Рашида.— Вчера и Сафа выработал две нормы. Спасибо, Арслангарей!

Это «спасибо» меня как солнцем согрело. Хотел еще сказать ей, что вчера убрал двадцать восемь гектаров, но не успел. На том берегу остановился комбайн. Наш паромщик дедушка Гимади, чуть склонив седую голову, поздоровался с комбайнером, светловолосым кубанцем, и обеими руками показал на паром:

— Добро пожаловать!

Не знаю, приходилось ли прежде дедушке Гимади перевозить такой груз да еще в бурю, когда яростно бушует Ак-Идель. Обычно дедушка Гимади осторожен. Но сегодня он не колебался ни мгновения. Даже с этого берега было слышно, как застонал паром под тяжестью комбайна.

Чем дальше паром отходил от берега, тем больше его качало. Волны взбегали даже на край дощатого настила. На середине реки паром вдруг остановился, задев за узел, соединяющий трос. Пока спускали узел, волны сорвали и самый трос. Дедушка Гимади не успел даже крикнуть, как очутился в воде вместе с коротким концом троса, который держал в руках. Мы кинулись к лодкам. Но светловолосый парень не растерялся, вслед за стариком нырнул в воду и минуту спустя вытащил дедушку Гимади, бережно положил на доски. Тем временем и длинный конец троса быстро пополз к краю... Мы гребли изо всех сил, но, конечно, опоздали бы: еще несколько секунд — и паром понесло бы по Ак-Идели. К счастью, кубанец понял, в чем дело: он кинулся на другой конец парома, поймал уползавший трос и закрутил его вокруг столбика. Мы облегченно вздохнули. Когда подъехали лодки, парень выжимал свою гимнастерку, а дедушка Гимади выплевывал воду и на чем свет стоит бранил председателя колхоза:

— Сколько раз говорил: Гата, браток, нужен новый трос! Можно быть скупым, но следует и меру знать!..

Через полчаса паром наконец причалил к нашему берегу. Народ теснился у самой воды: каждому хотелось поближе увидеть прибывшего с далекой Кубани гостя.

На вид ему было года двадцать три или двадцать четыре. Голубые глаза его глядели весело, густые волосы были светлыми, как лен. Этот широколобый, сильно загоревший на южном солнце парень мне сразу понравился.

Кубанец обвел нас ласковым взглядом, поздоровался и спросил стоявшего рядом мальчика:

— А ну, хлопчик, где тут поле второй бригады?

Мальчик стал объяснять. Кубанский джигит еще раз посмотрел вокруг и увидел Рашиду. Рашида сначала смутилась, но быстро оправилась и не отвела своего сияющего, полного задора взгляда от незнакомца. А тот, забыв о мальчике, который все еще объяснял, как проехать во вторую бригаду, смотрел на Рашиду... Наш бригадир отстранил мальчика и сказал, что сам покажет дорогу.

Комбайн тронулся.

Я взглянул на Рашиду. Ее обычно спокойное лицо разгорелось. Большие глаза светились.

Вскоре комбайн скрылся за лесной полосой.

— Зрелище окончено, пора расходиться,— сказала Рашида чужим голосом.

— Для нас окончено, а для вас только начинается, не так ли? — спросил я, глядя ей прямо в глаза, и мой голос дрожал, хотя я старался быть спокойным.

Рашида покраснела еще больше, но, ничего не ответив, быстро ушла.

Возвращаясь к своему комбайну, я нарочно пошел мимо Рашиды. Она заметила меня издали, окликнула и, пока я подошел, успела спрятать под голубую косынку выбившиеся волосы.

— Ну, понравился казак? — спросила Рашида и опустила глаза: в это мгновение, прорвав тучи, засияло солнце.

— Неплох. Посмотрим, как будет работать...

— Гляди, не отставай: он на всю Кубань прославился!

— А разве ты его знаешь?

Рашида не ожидала этого вопроса: она задумалась, глядя на только что связанный сноп.

— Так вот отчего ты покраснела, когда его увидала! — сказал я.— До сих пор румяная...

Еще никогда Рашида не смотрела мне в глаза так пристально и твердо:

— Да, мы с ним немного... Не то, что немного... Порядочно знакомы.

— Интересно... Когда же это вы успели?

— В прошлом году в Москве. Когда я ездила на конференцию сторонников мира.

— Вон как?! Значит, любовь?

— Ты бы подумал, что говоришь! Я в Москву ездила не за любовью, а на конференцию,— с обидой возразила Рашида.

— Кажется, я не сказал ничего дурного. Чего ж ты сердишься?

— Ступай! Нечего болтать ерунду,— ответила Рашида.— Хлеба́ уже проветрились, пора работать!

И, отвернувшись, стала вязать сноп.

III

Нет, пожалуй, ничего лучше на свете, чем вести комбайн по широким просторам полей и чувствовать в степном ветре запах созревшего зерна и поздних цветов. И кажется мне тогда, что нет в мире работы важнее, чем моя. В себе ощущаешь силу, способную свернуть горы.

Вчера Рашиду назначили возить зерно с моего комбайна. Теперь я одним глазом слежу за комбайном, другим — за Рашидой. И даже вечером, усталый, думаю только о ней.

Недалеко от меня работает кубанский гость Андрей Бондарь. Он тоже на вахте мира.

Сегодня неудачный день. Здесь, в третьей бригаде, хлеба́ такие высокие, что, как я ни стараюсь, не могу взять больше, чем на половину хедера. Как только попробую захватывать побольше, сразу заглушается барабан, и мне приходится останавливать комбайн. Андрей, как назло, работает на полном хедере.

За полчаса до заката мой комбайн совсем вышел из строя. Не везет, так не везет! Пока мы налаживали мотор, выпала роса. Сделали еще один заезд — и все...

Получилось хуже, чем мы думали: за день убрали всего девять гектаров. Просидев добрый час без дела, Рашида ушла.

— И сегодня день пропал! — сказала она на прощание.— Пойду помогать Андрею: там не поспевают возить зерно.

— Ну и уходи, воля твоя! — ответил я.

Конечно, Андрей стал работать еще яростней, когда к нему пришла Рашида. Сегодня он убрал сорок пять гектаров. Об этом нам сообщил председатель колхоза Гата-агай.

— Умелый парень! — похвалил он Андрея.— Недаром его к нам послали. Вот у кого надо учиться!

Я даже не пытался скрыть обиду:

— Не дразните, пожалуйста, Гата-агай. Мы тоже весь день работали, не в городки играли...

— Не горячись! — возразил председатель.— Сегодня Андрей получил от Рашиды букет цветов. Не за красивые глаза, а за хорошую работу. Мне даже обидно стало. «Эх,— говорю,— Рашида, своих джигитов заставишь ревновать!»

— А она что?

— Если, говорит, ревнуют, пускай работают получше.

Очень это меня задело.

— Не будь я Арслангареем, если в три дня не перегоню этого казака! Так, товарищи?

Но и Шайхулла-агай и тракторист промолчали.

— Не сходи с ума, парень! — сказал Гата-агай.— У него голова хорошо работает, а вы больше надеетесь на силу... Его перегнать трудно. Конечно, я был бы рад, если бы джигиты с берегов Ак-Идели работали не хуже кубанцев.

Гата-агай ушел, а мы отправились в свои вагончики. Несколько раз я пытался начать разговор, но товарищи как воды в рот набрали: тоже, конечно, расстроились.

...Ночью я никак не мог заснуть. Думал: что же делать, как перегнать Андрея? И Шайхулла-агай все ворочался.

— Шайхулла-агай! — окликнул я наконец.

— Спи, Арслангарей, спи! — отозвался старик.— Отдохни.

— И вы не спите.

— Не спится. Как назло, осрамились, когда стали на вахту мира!

— Не осрамимся, Шайхулла-агай!

— Рашида говорит, что нам трудно догнать Андрея...

— Она, наверное, крепко с ним подружилась?

— Не знаю. Откуда старику знать дела молодых? А только за последние дни она вроде бы другая стала...

— Это любовь, Шайхулла-агай!

— Что ж, любовь жизнь украшает, Арслангарей.

— А как вы относитесь к этому?

— Отец всегда желает счастья своему ребенку.

Я чуть не застонал. Значит, Шайхулла-агай не против их дружбы; чего доброго, даже радуется... У меня сразу пропала охота с ним разговаривать.

Вдруг постучали в дверь. Оказывается, Рашида.

— Что ты ходишь, доченька, среди ночи? — спросил Шайхулла-агай.

— Пришла поговорить с вами,— ответила Рашида и села на стул.

— Что случилось, доченька?

— Пришла спросить: нужно ли вам помочь? Зерно стало сильно осыпаться...

— И без тебя знаем!

— А что же решили?

Шайхулла-агай махнул рукой и повернулся спиной к дочери. Я объяснил Рашиде, как сам понимал, причины нашей неудачи. Девушка немного подумала.

— А если попросить Андрея, чтобы помог?

Шайхулла-агай мгновенно сел на постели.

— Станет ли помогать? — спросил он.— Казаки, они гордые...

— Только не Андрей! И если я попрошу...

Рашида спохватилась, что сказала лишнее. Но было поздно.

— В добрый час, доченька! — ответил Шайхулла-агай.

— Желаем удачи! — добавил я.

Рашида не смутилась, только пристально поглядела на меня.

— Ну, что еще скажешь? — спросила она, волнуясь.

— Я понимаю вас! — сказал я, не замечая, что уже говорю ей «вы».

— Эх, Арслангарей! — воскликнула Рашида, все больше волнуясь.— Сердцу тесно в груди. Хочется так работать, как не работала никогда. Теперь меня усталость не берет!.. Имей в виду, завтра на рассвете придет Андрей. Правду говоря, он сам просил сказать вам об этом...

— Дальше что?

— Хватит и этого...

— Иди, доченька, отдохни, и мы тоже поспим,— прервал неприятный разговор Шайхулла-агай.

— Сейчас, папа! Мама велела сказать, чтобы завтра вечером ты шел домой: баню истопить.

— Ладно, доченька, ладно... Приду, если будет время.

Рашида торопливо ушла. И сразу в нашем вагончике сделалось пусто и неуютно.

Разве мог я спать в эту ночь? На рассвете я разбудил Шайхуллу-агая. Мы наспех закусили и поспешили к своему комбайну. Тут подошел и Андрей, сказал:

— А я к вам, коли примете!

Шайхулла-агай взглянул на меня в сомнении: а не смеется ли этот казак над нами?

— Вот и хорошо! — отвечаю.— Еще вчера надо бы придти.

— Вчера я другому вашему парню помогал,— ответил Андрей.— У него тоже не лучше было. А тут еще и помощник мой занедужил: малярия его треплет.

Теперь я понял, почему вчера Сафа убрал вдвое больше нас.

— А мы прибедняться не любим,— проворчал Шайхулла-агай,— сами стараемся сделать...

— Так это же, хлопцы,— соревнование! Как же соревноваться и не помогать?!

Андрей широко улыбнулся.

— Если вам трудно, постараемся сами обойтись, без помощи,— сказал я, но, сам не знаю, почему, тоже улыбнулся.

— Если бы речь шла только про вас! — охотно отозвался Андрей.— А то ведь надо убрать хлеб — народное добро. Хотите вы или не хотите, а я должен помочь. А если мне помощь потребуется, прошу и вас пособить...

Он положил руку на мое плечо, а Шайхуллаагай потихоньку мне подмигнул: дескать, хватит торговаться!

Андрей тщательно осмотрел комбайн, потом вытащил записную книжку и стал что-то вычислять. Я, признаться, заглянул и увидел формулы, которых не знал, хоть и окончил среднюю школу.

— Что это вы считаете?

— А как же? Приходится...— ответил Андрей, отрываясь от записей.

— Где вы учились?

— В институте.

— Вы разве студент?!

— Я на заочном.

— Вон что! А сами — всего только комбайнер.

— А что ж? Настоящему комбайнеру много знать нужно. Чабану — и тому сейчас поучиться не во вред.

— Ну, что ж, начнем.

— В барабане застревает?

— Урожай очень уж большой...

— Подходящий урожай! А если повыше срезать? Не пробовал?

— Потерь будет много.

— А может, и не будет? — улыбаясь, он долго смотрел на меня.— Ты, хлопец, давно на комбайне?

— Первый сезон. Прошлый год был помощником.

— О?! И уже убрал триста пятьдесят гектаров? Добре, дуже добре! — сказал он, качая головой.— А я в первый сезон остался при ста пятидесяти пяти...

Андрей осмотрел хедер, предложил увеличить скорость.

— При малой скорости много зерна теряется! — объяснил он.

Потом Андрей проверил барабан, посоветовал сейчас же разрядить штифты, даже показал, с какой планки и какой штифт надо снять. Советов дал он много. Еще бы, опытный комбайнер!

— Да попробуй, браток, на полный хедер взять,— сказал он под конец.— А если не выйдет, мы еще что-нибудь придумаем. Желаю успеха, товарищи! — И, торопливо попрощавшись, побежал к своему комбайну.

Признаться, мы с Шайхуллой-агаем не очень-то поверили казаку, но советы выполнили точно. Все же Шайхулла-агай перед началом работы сказал, сомневаясь:

— А не подвел бы нас этот казак!..

Но получилось даже лучше, чем ожидали. Хоть и поздно начали, а выработали полторы нормы. На другой день — еще на четыре гектара больше. Потом мы уже совсем немного отставали от Андрея. А он, улучив минуту, то и дело забегал и всегда давал дельный совет. Однажды я даже осмелился сказать:

— Вчера вы убрали на пять гектаров меньше, чем мы, а нас все учите...

— Так у меня же комбайн старый: шестой сезон в поле,— ответил он, улыбаясь, как всегда.— А от вашего еще краской пахнет.

Он даже погладил нашего «Сталинца».

Говоря по правде, если мы в третью пятидневку вышли на первое место по району, то была в этом заслуга Андрея. Спасибо ему!

IV

Эх, ребята, и горе же свалилось на плечи джигита! Кто подумал бы, что кубанский гость Андрей Бондарь, который приехал помочь нам в уборке, зажжет сердце Рашиды?! Поначалу я и сам в это не верил. Думал, что мне просто мерещится от ревности, оттого, что я без памяти люблю ее.

Недели через три после приезда Андрея я спускался после работы к реке. И вдруг недалеко от тропинки увидел двух человек. Сам не знаю, отчего заколотилось сердце. Я невольно повернул к ним. А через несколько шагов понял, почему билось сердце. Это были они. Сидели под старым дубом на крутом берегу Ак-Идели и тихо беседовали.

И хоть мучила меня совесть, любопытство победило. Лег я на мокрую от росы траву и, сам себя проклиная, пополз к дубу.

...Казак что-то рассказывал Рашиде. Набегавший ветерок иногда уносил слова, словно желая утаить их от меня. Все же я понял, что он живет со старухой-матерью в какой-то большой станице на Кубани, что в 1944 году, когда было ему двадцать лет, он был тяжело ранен, что вот уже шестой год работает в родных краях комбайнером.

— ...Я и сам не знаю, с чего мне вдруг захотелось рассказать про это! — закончил казак.

— Почему ты до сих пор не женился? — спросила Рашида.

— Так я ж тебя искал! — уверенно сказал Андрей.

— А если бы мы не встретились?

— Вот же встретились! Разве ты забыла, как мы в Москве расставались и я сказал, что все равно к вам приеду, что бы там ни было! Меня направляли в другой район, а я просил в этот. Меня направили в другой колхоз, а я заявил: нет, поеду только в колхоз «Ак-Идель». Вот и повстречались!

Казак в упор глядит на Рашиду, ждет, что она скажет. И я жду, волнуюсь больше, чем он.

— Разве мало на Кубани девушек? — спрашивает Рашида своим чистым, серебристым голосом.— Ты, Андрей, хорошенько подумай, спроси свое сердце... Если душа молчит, не дразни меня!

— Эх, Рашида! — говорит казак.— Богато девчат и на Кубани и на Ак-Идели. Красивых и веселых. Глаза на всех смотрят, на то они и глаза! А сердце любит только одну...

Все тише и тише говорит казак, вот и совсем перешел на шепот. Как ни прислушиваюсь, теперь ничего нельзя разобрать.

— Что же я там буду делать? — вдруг громко спрашивает Рашида.

— Станем вместе растить нашу кубанскую пшеничку. Такой еще и на свете не бывало: добрый урожай дает, аж по триста пудов! — говорит казак, а сам держит руки Рашиды.

Тут я даже закрыл глаза: ничего больше не хочу видеть.

Конечно, если бы я был на месте Рашиды, я сразу закрыл бы ему рот! «Будет хвастать, Андрей! — сказал бы я ему.— Чем же моя Ак-Идель хуже твоей Кубани?» А Рашида молчит, слушает.

Наконец Андрей умолкает. Слышно, как на селе поют петухи: полночь.

Они встали, Рашида протягивает руку:

— Спокойной ночи, Андрей!

Но не таков казак, чтобы просто расстаться. Он привлекает к себе Рашиду, и девушка не противится, а он подхватывает ее на руки, что-то шепчет и быстро кружится с ней, а потом бережно ставит на ноги и, воскликнув: «Серденько ты мое, голубонько!» — крепко целует.

Тут Рашида вырывается из его объятий и убегает.

Чувствую, что я весь разбитый, слабый, уши горят от стыда за себя... Только успел подняться, вижу: стоит передо мной Андрей. В лунном свете видно, каким счастьем светятся глаза.

— Это ты, Арслан?
— Должно быть, я...
— И все видел?
Я сказал правду.
— Вот какое дело, браток! Не знаю, что ты думаешь, а сердце мое не на месте,— он тихо засмеялся.— Пойдем, браток!
— Я к речке спускался...
— Да що там речка! Пойдем! — он берет меня под руку.— Знаешь, что я тебе скажу, Арслан?
Мы идем по тропинке, которая привела меня сюда.
— Что?
— Знаешь, браток,— продолжает он, помолчав,— как же я люблю эту дивчину!
— Вижу...
Опять молчим. Потом он начинает насвистывать какую-то песенку. А я злюсь и на него и сам на себя.
— Заспиваем, браток? — вдруг предлагает Андрей.
— Я же не знаю ваших песен.
— Тю! Мы найдем песню, которую поют по всему свету...
Андрей запел:

Широка страна моя родная...

В глухой тишине, какая бывает осенью, красиво звучит его сильный голос.
— Что же ты молчишь? — подтолкнул меня Андрей.— Вдвоем еще лучше получится!..
До перекрестка мы идем под руку и поем. Один поет от радости, которая льется через край; другой подтянул из вежливости, а потом и ему захотелось петь. Оказывается, от сердечной боли тоже поется...

V

Несколько дней я избегал встречи с Рашидой. Я украл чужую тайну и чувствовал себя вором. Никак не мог решить, что же теперь мне делать: пойти к ней извиниться или попросить в МТС, чтобы послали меня в другой колхоз... Некогда было как следует подумать: шла самая горячая пора. Теперь я работал с ожесточением небывалым, чтобы забыться...
И все же мы встретились. Как-то после работы пришла Рашида и сообщила, что нам присудили переходящее Красное знамя МТС, поздравила от комсомольской организации. Все у нас очень обрадовались, а Шайхулла-агай даже воскликнул: «А что я говорил?! Вот видите!..»
Весело прошел этот вечер в нашем вагончике. Мы не спешили ложиться спать, хоть и нужно было встать с рассветом. И Рашида долго сидела с нами. Сначала я чувствовал себя неловко, но Рашида была спокойна и весела, и скоро я обо всем позабыл.
Уходя, Рашида попросила проводить ее до большой дороги.
Все-таки в нашем вагончике сильно пахнет солидолом. Мы с ней свободно вздохнули, когда нас обдуло степным ветром.
— А знаешь, Арслангарей,— сказала Рашида, помолчав,— в эту осень я особенно полюбила наш колхоз. Иногда мне кажется, что нигде не может быть лучше, чем у нас. Сколько людей сейчас работает на полях — и каждый достоин похвалы! Даже за это одно я вечно буду помнить каждого своего односельчанина...

— Что это ты как будто прощаешься? — спрашиваю.— Разве собираешься нас оставить?
— Нет... А, впрочем, не знаю...— тихо ответила она.
Я понял, что она не хочет ни лгать, ни говорить правду, и очень разозлился. Посмотрел ей в лицо, но было темно.
Рашида молчала, и мне показалось, что она собирается меня ругать. Думаю: уж лучше скажу первым.
— Ты, наверное, очень сердишься на меня?
— За что?!
— Разве Андрей тебе не говорил?!
— Нет. А что он должен был сказать?
— Так, ничего. Пустяки...
— Ты ревнуешь меня к нему, я знаю...
— Может быть, и не зря.
— Арслангарей! — сказала она очень серьезно.— Не будем говорить об этом. Не надо.
Но мне именно сейчас захотелось сказать ей о моей любви.
— Помнишь наше детство, Рашида? Мои голуби, бывало, полетают-полетают и садятся на вашу крышу...
— Сам же их и научил!
— Подожди, не перебивай, Рашида... Помнишь, как мы с тобой десять лет сидели на одной парте? Ты была способнее меня и всегда мне помогала. Тогда я не боялся смотреть тебе в глаза, а вырос — и стал стесняться... Еще тогда, давно, во мне пробудилось, Рашида, самое дорогое чувство, и оно никогда не погаснет... А ты помнишь, Рашида, лыжный поход прошлой зимой? Я внезапно заболел, и ты, хоть и прошла за день сорок километров, всю ночь сидела возле меня, не смыкая глаз... А помнишь, как этим летом, когда мы косили на Акташевских лугах, никто не мог меня обогнать? Я бы и больше скосил, но мне хотелось, чтобы ты была первой, и к вечеру я начинал косить все медленнее и медленнее. Я всегда гордился тобой... Ты не замечала, но рядом с тобой всегда была моя любовь... Разве не любовь все это?

— Не знаю, Арслангарей! Ничего я теперь не знаю...— Она тяжело вздохнула.— Зачем ты меня мучаешь? Иди скорее обратно. Я теперь боюсь бывать с тобой. Иди, иди!
Что же я мог ей сказать?
Она убежала, а я, чтобы сократить дорогу, пошел вдоль лесной опушки. Шел задумавшись, и вдруг прямо из-под ног с криком и свистом взлетела стая птиц. Кажется, это были журавли: летели на юг и заночевали. Зачем я, идя своей тропинкой, нарушил их покой?
...С Андреем мы встречаемся все чаще. Он быстро освоился в нашем колхозе, и я даже стал забывать, что он приехал на время. Теперь я не мог уже представить свой аул без Андрея, как без Рашиды или Ак-Идели.
Сегодня Андрей все еще не работает. Его комбайн не выдержал напряжения последних дней: как перешли на подсолнух, так и закапризничал. Сейчас Андрей возится у комбайна на своем загоне. Его неудача очень меня огорчает. Наконец я поручил свой комбайн Шайхулле-агаю, а сам пошел к Андрею. Он встретил меня улыбкой. Говорю, что пришел помочь.
— Добре! Только повозиться придется. Зерноочистка занедужила. Да обе свечи в моторе негодные. Боюсь, и дотемна не управимся. А как твоя работа? Не пострадает?
Говорю, что теперь Шайхулла-агай умело водит комбайн.
— Ну, ничего, может, и наладим до вечера. Приступай с того края...
Вскоре пришла передвижная мастерская, но опять неудача: не привезли свеч. Пришлось мне принести свои запасные. Как мы ни спешили, а провозились до темноты.
Андрей меня не отпустил:
— Давай поужинай с нами!
После ужина все легли спать, а мы с Андреем остались покурить у очага. Андрей лежал на своей телогрейке, я сидел рядом. Он затянул было унылую песню, я хотел подхватить, но сбился: этой песни я не знал. Замолк и Андрей.
— Долго еще будешь в нашем ауле? — спросил я.
— Нет. Вот кончу подсолнух да и поеду...
— А еще приедешь?
— Кто его знает? Может, и нет... — Он выпустил густой клуб дыма.— И что ж ты скажешь, браток?! Ох и крепко прикипел я к вам, даже ехать неохота!.. Приняли вы меня не как гостя, а как члена своего коллектива. Вот что хорошо! Я ж таки первые денечки больше за выработкой гнался, и были у меня потери зерна. И что б ты думал? Председатель вашего колхоза не стал делать скидки, чтобы приезжего человека часом не обидеть, а приступил ко мне с замечаниями... «Товарищ комбайнер,— говорит,— ваши рекорды мы одобряем, но если будете оставлять колосья в поле, крепко с вами поссоримся!» Мне бы так и на Кубани сказали... и тебе бы сказали, если бы ты приехал до нас. А что ж? И с тобой мы вот так же сдружились бы да и работали бы, как здесь, соревнуясь, споря, а если нужно, то и помогая друг другу.
Он замолчал, подкинул хворосту в жарко горящий очаг.
— А чего ты, Андрей, вдруг заговорил об этом?
— А как же? Если б ты не принес мне свои последние свечи, я бы, может, еще и завтра на солнышке загорал да птиц считал.
Мы долго сидели, беседуя. Сидели, пока не погасли в небе последние лучи заката.

VI

Только что кончилось комсомольское собрание: Рашида уезжает, и нужно было выбрать нового секретаря. По ее предложению выбрали меня.
Пошли домой втроем: Рашида, Андрей и я. Была непроглядная, но теплая осенняя ночь. Лица ласкал мягкий ветер, редкий в наших местах в такую позднюю пору. Андрей поднял Рашиде воротник пальто.
— Чтоб часом не простыла! — сказал он и взял ее под руку.
Умеет ухаживать за девушкой окаянный казак, ничего не скажешь! И Рашиде это нравится: вон как прижалась к нему. Наверное, ей приятно идти рядом с таким здоровым, сильным джигитом, как Андрей. Я подумал, что

Над Цимлянским морем

Николай **ТИХОНОВ**

В июля полдневное пламя
Земля уплывала, пыля.
— Цимлянское море под нами,—
Сказал командир корабля.

Мы шли над веселой водою,
Над морем победного дня,
Над зыбью его молодою,
Широкие крылья креня.

Сквозь воду, с высот
неизменных,
Как тени морских небылиц,
Я видел дороги и стены
Затопленных морем станиц.

В потоках подводного света
Зарницей блеснуло окно...
Не счесть, сколько песен там
спето
И сколько работ свершено!

Но в новых станицах богаче
Высокие окна горят,
И песни поются иначе,
И волны морские шумят.

Лежат под водою станицы,
Блестит молодая волна,
И мне, пролетевшему, снится
Волны стиховой крутизна.

В станицах тех жили неплохо,
И все же на ту старину
Летящая наша эпоха
Глядит через дней глубину.

И хочется ей, чтобы смело
Шла новая жизнь берегов,
Чтоб в новом просторе шумело
Цимлянское море стихов.

третий человек им сейчас ни к чему, и поотстал, но Рашида обернулась:

— Ты что отстаешь, Арслангарей? Мне надо тебе кое-что сказать...

Они подождали, и Рашида тоже взяла меня под руку. Ветер играл ее густыми волосами, и они касались моего лица; почему-то теперь это было мне неприятно.

— Надо оставить тебе небольшой наказ,— сказала она.— Позаботься, чтобы комсомольцы и вообще вся молодежь училась в вечерней школе: это очень важно. Постарайся, чтобы Амина поехала на курсы электриков: она давно об этом мечтает. Было бы хорошо на днях провести собрание и как следует взгреть Халима: он очень обижает Халиму, плохо они живут. Я не успела... Выбери время и побывай у доярок...

— А лично мне какой будет наказ? — спросил я.

— Тебе? — Она немного подумала.— Тебе, Арслангарей, советую на будущий год поступить в институт. Чтоб через пять лет, когда я приеду в гости, ты был агрономом.

Мне пора сворачивать в свой переулок, но Рашида не отпускает:

— Забыла я сказать: у старушки Хатиры дом совсем обветшал. Хорошо бы, не откладывая, устроить комсомольский субботник да поправить домишко. Смотри, не забудь!

Я обещал не забыть.

— Ну, как будто все. Если еще вспомню, скажу завтра. Спокойной ночи, Арслангарей!

— Желаю счастья, Рашида!

Андрей тоже крепко пожал мне руку.

Еще долго я слышал в темноте их веселые голоса. Ветер усилился, стало холодно, моросил мелкий дождь.

VII

Рашида уезжает, а я все еще не могу поверить. Чем ближе прощание, тем тяжелее на сердце. Кажется, теряю я в жизни что-то очень важное и никогда больше оно не повторится. Ночью не сомкнул глаз... Закрою на мгновение — стоит она передо мной. И горло словно сдавило, душит. Дай себе волю — разревешься. Нет, реветь не мужское дело.

Так и не спал. Поднялся с солнцем и пошел к Ак-Идели.

Солнце еще только всходило, и красным его светом были озарены осенние пестрые леса на берегах реки. Синеватый жидкий туман кое-где стелился по земле. Прибрежные осины неторопливо роняли в воду золотые листья. За рекой на опустевшем поле стояли два комбайна: мой и Андрея. Наши степные корабли теперь казались заброшенными. Кто-то меня окликнул. Оглядываюсь: Гата-агай, председатель колхоза.

— Что это ты бродишь спозаранок, как птенчик, выпавший из гнезда?

Стою в смущении, будто застали меня за нехорошим делом.

— А вы сами?

— Ого! — Он лукаво улыбнулся.— У меня, брат, дело: иду в район. Прислали для нашего колхоза «Победу», надо ее получить. Может, еще успею отвезти на ней к поезду Рашиду с Андреем... А вот почему Арслангарея сон не берет?

Будто ущипнул меня за сердце. И еще подразнил:

— И вы называете себя джигитами? Эх, весь колхоз осрамили!..

Прикинулся, будто не понимаю.

— Что случилось, Гата-агай?

— Еще спрашивает! Какую девушку проморгали: гордость колхоза! Мямли вы все! Был бы я помоложе...

— От вас зависело, Гата-агай.

— Что от меня зависело?!

— А чтобы Рашида не уезжала.

Гата-агай даже рассердился:

— Как это от меня?! Вы что же, хотите, чтоб председатель вас еще и женил? Нет уж, в наше время каждый сам хозяин своему сердцу.

— А все-таки вы могли не отпустить Рашиду. Вот казак и уехал бы с пустыми руками...

Сказал, и самому стало стыдно.

— А ты, может, немного рехнулся, Арслангарей? — спрашивает председатель.— Кто это дал мне такое право? Кубань — советская земля? Советская! Любят они друг друга? Любят! Чего же еще? Все законно. Пожелаю им доброго пути и счастья. Сам отвезу к поезду.

...Я бродил вдоль Ак-Идели, пока не устал. Если бы не нужно было принимать у Рашиды комсомольские дела, и совсем бы не вернулся до ночи.

Солнце уже пригревало, когда я пришел в аул. Рашида давно ждала.

— Где ты пропадал?! Из-за тебя, чего доброго, опоздаем на поезд...

— Так вышло! — ответил я коротко.— Начнем?

Через полчаса дела были переданы.

— Вот и все! — сказала, улыбаясь, Рашида.— Поздравляю, товарищ секретарь, и желаю успеха.

Как я ни вглядывался, ни тени волнения не было на ее спокойном лице.

— И тебе не жалко, Рашида, оставить нас, бросить родной аул?!

— Жалко, конечно, Арслангарей. А что? Разве очень заметно?

— Потому и спросил, что незаметно.

— Ничего! Я и там, наверно, быстрс привыкну,— сказала она, покраснев.

— Как-то неожиданно все вышло... Даже странно!

— Ты хочешь спросить, почему я его полюбила? Да?

— Может быть...— ответил я, пряча глаза.

Она немного подумала.

— Вот что, Арслангарей, больше никому не задавай такого вопроса: все равно никто не сможет ответить по-настоящему. Человек всегда ищет себе хорошего друга в жизни. Конечно, стремишься найти такого, чтоб понимал тебя с полуслова, чтоб делил с тобой и радость и горе... Я нашла такого человека в Андрее... Больше, пожалуйста, ничего не спрашивай, Арслангарей. Лучше пожелай нам счастья.

Мы вышли на улицу. Возле дома Рашиды уже стоял народ. Там же был и Гата-агай в новенькой «Победе». Успел все-таки!

— Только бы не заплакать, когда станем прощаться...— тихо сказала Рашида.

Вот и наступило расставание. Рашиде и Андрею преподносят букеты цветов, все желают им счастья. Возле машины Андрей останавливается.

— Великое спасибо, товарищи, за добро да за ласку! — говорит он.— Жил я у вас, все равно как на родной моей Кубани! А в ту осень, прошу вас, приезжайте и вы к нам в гости...

Авторизованный перевод
с башкирского В. Лукашевича.

Поездка к Махмуду Коцба

В. СОЛОУХИН

Фото И. Романова.

Если человеку, не бывавшему в этих местах, сказать: «Черкесия», — наверняка вспомнятся ему и обаятельный образ черкешенки Бэлы, украденной Печориным, и жестокий Хаджи Абрек, и трагедия двух братьев, разыгравшаяся в ауле Бастунджи. Вспомнятся и слова Пушкина:

К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни...

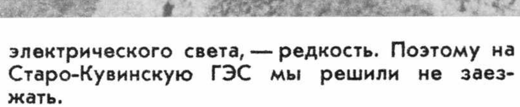
Нам действительно нечего было опасаться, когда мы подъезжали к Старо-Кувинскому аулу. Разве только простуды, потому что дул холодный, пронзительный ветер. Да, может быть, из-за распутицы была еще опасность застрять по дороге. Но шофер-черкес управлял машиной не хуже, чем лермонтовский Казбич своим Карагезом.

Мы уже побывали во всех районах области и теперь, возвращаясь в Черкесск, решили заехать и посмотреть на человека, которому ни много, ни мало 137 лет.

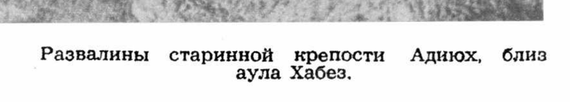
Шофер кивнул головой направо:

— Старо-Кувинская ГЭС. Заезжать будем?

Мы уже видели Сторожевскую гидростанцию, самую крупную в Черкесии, мы уже знали, что область почти полностью электрифицирована, что аул, в саклях которого нет

электрического света, — редкость. Поэтому на Старо-Кувинскую ГЭС мы решили не заезжать.

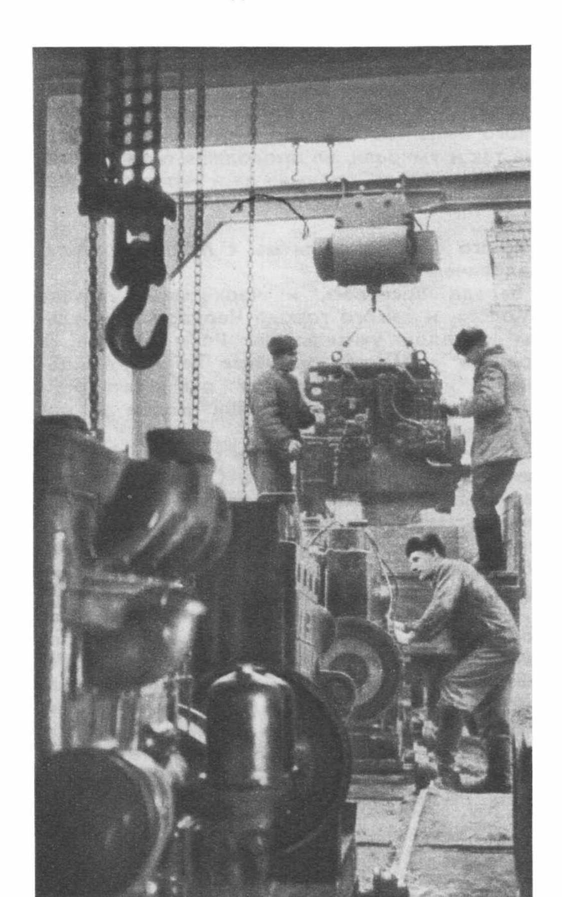

Развалины старинной крепости Адиюх, близ аула Хабез.

У колхозного правления стояло несколько подростков. Один из них вызвался проводить нас до сакли Махмуда Коцбы. Машина шла по широкой и прямой улице опрятного колхозного села, которое так непохоже на то, что представляется при слове «аул». Впрочем, с первых дней пребывания в Черкесии мы аул не представляли себе иначе, как благоустроенное колхозное село. В Старо-Кувинском не было еще такого великолепного Дома культуры или таких же красивых детских яслей, как в ауле Хабез. И клуб их уступал замечательному клубу колхоза «Имени Красных партизан». Только невысокие заборы вокруг каждого дома, сложенные из круглых камней, напоминали о том, что здесь живут кавказцы.

Огромная собака заставила нас остановиться на дальних подступах к сакле Махмуда Коцбы. На пороге появились две пожилые дочери старика и его старуха-жена. Они проводили нас во вторую половину дома и просили подождать, пока хозяин оденется. Появилась перед нами гора еще горячих чебуреков и миска с кислым молоком. В очаге разгорелся жаркий огонь.

Старика Коцбу мы увидели сидящим на кровати и одетым в чекмень. Было видно, что ему более по душе теплая и просторная стеганка, лежавшая возле. Он каждому из нас протянул свою высохшую руку. Наступило молчание. В присутствии этого древнего старика начиналась какая-то путаница в понятиях и представлениях о времени, о жизни. В самом деле, легко ли представить, что рядом сидит человек, с которым можно говорить, и что этот человек родился всего на два года позже Лермонтова; что он мог бы быть оче-

Со всего Ставропольского края идут моторы на капитальный ремонт в город Черкесск. На снимке: погрузка отремонтированных моторов на заводе «Молот».

Чабан Пата Дауров из колхоза имени Кирова.

видцем, например, восстания декабристов или смерти Хаджи-Мурата.

Видя, что мы не решаемся заговорить, Коцба улыбнулся и что-то сказал.

— Он спрашивает, как дела, — перевели нам. — Он просит рассказать, где мы были и что видели.

Завязалась беседа.

Узнав, что всю свою жизнь Коцба пас овец и лошадей, причем бóльшую часть жизни чужих, в качестве батрака, мы рассказали ему про молодого чабана Пата Даурова из колхоза имени Кирова. Шестнадцатилетний пастух находился в горах со своей отарой. Погода с утра была теплая, и Пата оделся легко. На нем была рубашка, а на ногах мягкая обувь. Внезапно похолодало. Ветер срывал с места камни, посыпался снег. Пата хорошо понимал, что если от отары одна овца отобьется, она погибнет, и если рассеется вся отара, то не останется в живых ни одной овцы. Невероятными усилиями ему удалось скучить отару и загнать ее под прикрытие скалы. Тогда их начало заносить снегом. Двое суток свирепствовал буран, и двое суток Пата Дауров держал овец в куче, не давая отделиться хотя бы одной из них. Нечего говорить, как промерз он сам.

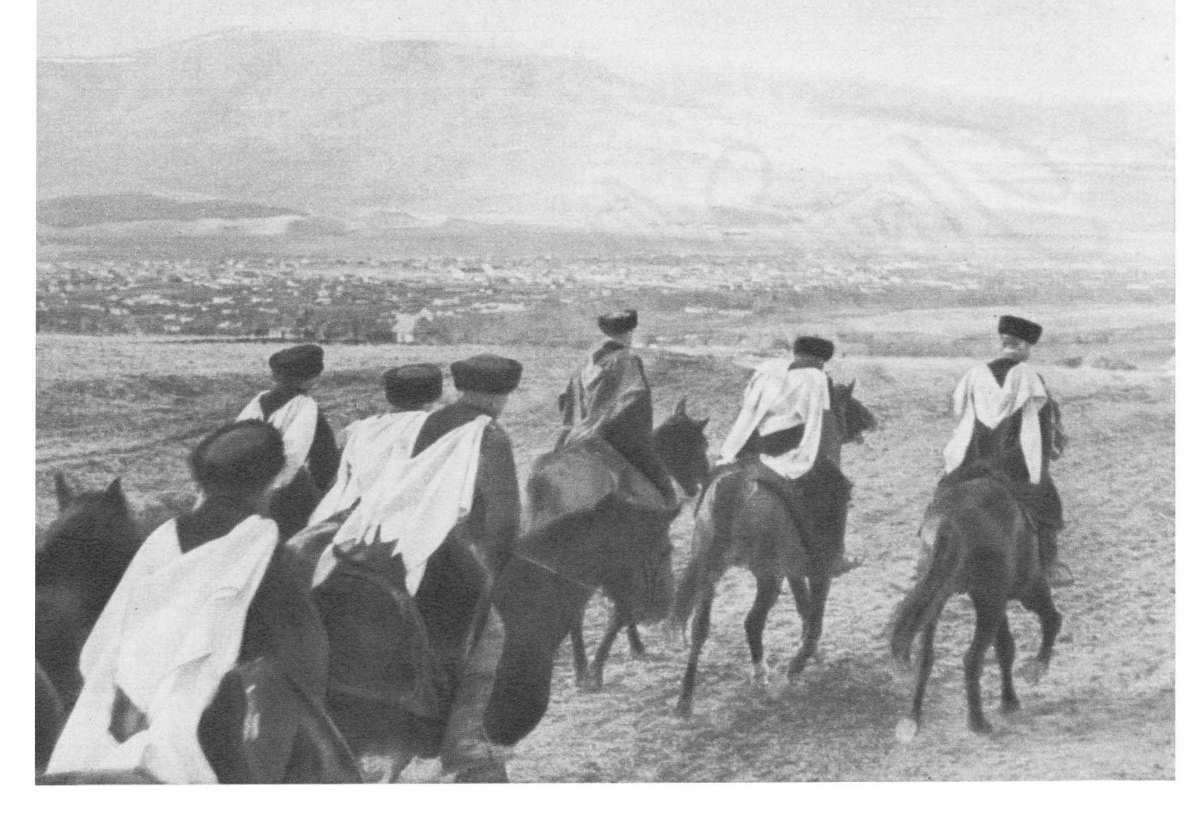
В колхозе мало кто надеялся на спасение Даурова и его отары. Едва-едва ослаб ветер, как из аула Хабез в разные стороны поскакали всадники. Долго искали пропавшую отару и молодого чабана, а когда нашли, немало удивились тому, что ни одна овца не пропала.

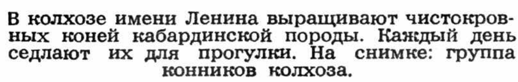
— Мальчик правильно сделал, — ответил Коцба, выслушав рассказ. — Потому что колхозное — это и есть свое. Свое нужно беречь.

Слушая нас, старик, должно быть, утомился, потому что несколько минут сидел с закрытыми глазами, но оказалось, он вспоминал.

— Я не помню, — сказал он, — такого случая до советской власти. Были очень храбрые джигиты. Они пели песни под пулями, и шашки их не знали пощады. Но не было такого, чтобы из-за овец погибать самому. Таких людей раньше не было.

— Он говорит, — перевели нам дальше, — что очень соскучился по седлу, давно не ездил верхом и теперь уж, видно, не удастся. Видали ли вы хороших коней в Черкесии?

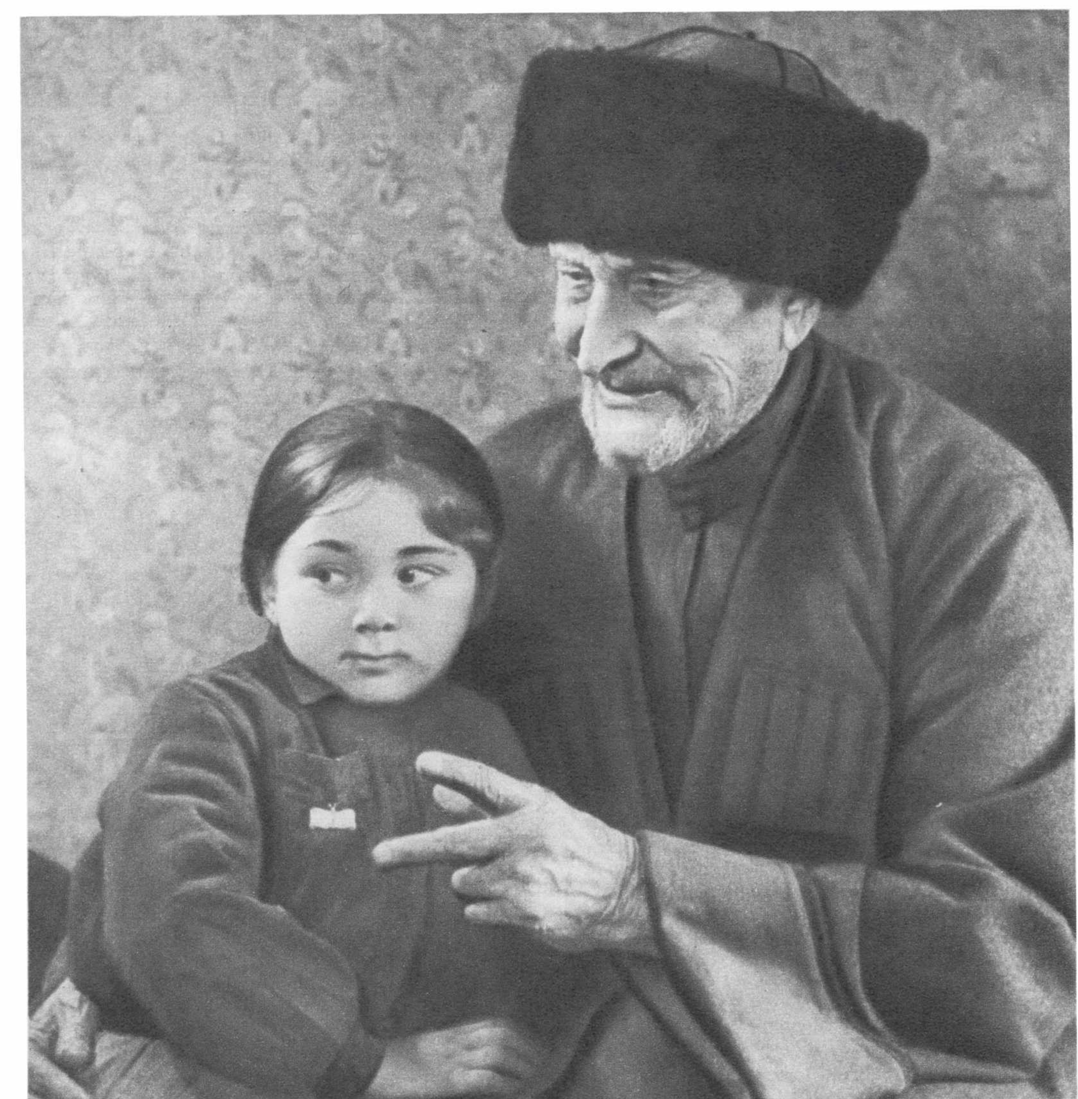

В колхозе имени Ленина выращивают чистокровных коней кабардинской породы. Каждый день седлают их для прогулки. На снимке: группа конников колхоза.

Мы ответили, что видали очень хороших коней. В колхозе имени Ленина отличная конеферма. Там триста лошадей чистокровной кабардинской породы. Заведующий фермой, прирожденный джигит Джансан Лиев, давал нам коней для поездки на развалины древней крепости Адиюх, поэтому мы могли оценить их сами. Но ради справедливости мы сказали, что лучшие жеребцы все же в колхозе «Имени Красных партизан». Два из них — Кипарис и Отважный — пойдут в Москву на сельскохозяйственную выставку.

Внучата Махмуда Махмедовича Рая и Вова давно уже примостились около дедушки. Разговаривая с нами, он гладил их по головкам.

— Скоро в школу пойдут, — сказал он. — Раньше не было такого слова — «школа». Потом оно появилось, но девочки не должны были думать про школу. Совсем недавно, лет двадцать пять тому назад, соседская девочка тайком убежала учиться в город.

Махмуд Коцба со своей внучкой Раей.

Судьба девочки, о которой упомянул Коцба, была нам известна. Не так давно она получила первую ученую степень в истории черкесского народа. Это кандидат исторических наук Пашихан Локазова.

Да, женщины в Черкесии раньше не могли учиться. Да разве только женщины были неграмотны! Еще в 1920 году грамотность в Черкесии составляла всего два с половиной процента. Было время, когда в школах Черкесии училось 180 человек. Теперь в области 109 школ, и учится в них более 21 тысячи мальчиков и девочек — черкесов, абазинцев, ногайцев, русских. Педагогическое училище и Учительский институт в городе Черкесске ежегодно выпускают десятки молодых специалистов. Более 300 педагогов из коренных национальностей работают в школах Черкесии.

Черкесия учится. Черкесия стала грамотной. И не беда, что неграмотным остался Махмуд Коцба. Уже и он по-иному смотрит на вещи. Уже и он считает, что внучке Рае нужно идти учиться.

— У вас очень маленькие внучки и относительно молодые дети, — заметили мы. — Может быть, старшие уже умерли?

— Нет. Я женился, когда мне было уже больше пятидесяти лет. Раньше не мог: не было калыма. Нужно было отдать двадцать голов скота за невесту. А где было взять? Нас много было таких, кто не мог жениться. Другие так и умирали, не продолжив своего рода. Ну, а я подумал, подумал да и украл себе жену. Это у меня уже вторая жена, первую взял аллах...

Долго еще говорили мы с Махмудом Махмедовичем Коцбой.

Беседа коснулась и черкесского завода «Молот», и самого города Черкесска, и судьбы молодой учительницы Розы Озовой, и поездки в Москву депутата Тайбат Абидоковой, и всего, что мог рассказать нам старый Махмуд Махмедович Коцба и что увидели мы сами.

Когда мы прощались, уже темнело. В сакле зажгли электрический свет. Старик попросил нас взять на память портсигар, так как вот уже пятнадцать дней он не курит по той причине, что начал что-то покашливать. Потом он обнял нас по-кавказски. Через несколько часов мы подъезжали к Черкесску.

— Да... За последние двадцать пять лет жизни этого старика, с тех пор, как образована Черкесская автономная область, Черкесия изменилась неизмеримо больше, чем за предыдущие сто двенадцать лет, — сказал один из наших спутников.

Никто не ответил ему. Разве могло быть иначе?

Справа: студенты 1-го курса литературного факультета Черкесского учительского института на лекции; на переднем плане — комсомолка Фатима Кочиева.

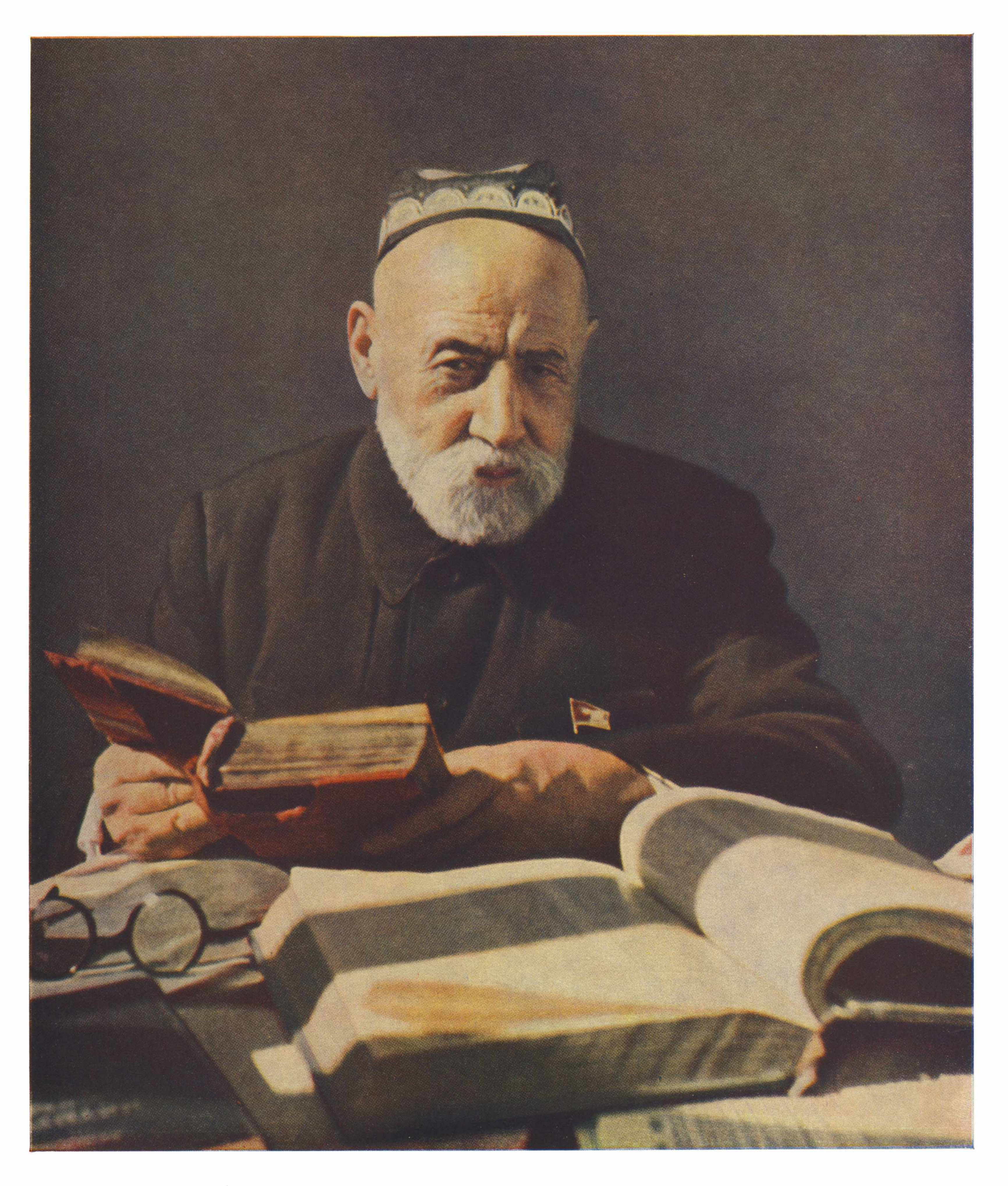

Черкесское ремесленное училище № 8 готовит электромехаников и слесарей. На снимке: практические занятия по монтажу открытых подстанций.

Внизу: Эркен-Шахарское специальное сельскохозяйственное училище готовит полеводов, овощеводов, садоводов и бухгалтеров для колхозов. Группа учащихся в агролаборатории.

Выдающийся таджикский писатель, основоположник таджикской советской литературы Садриддин АЙНИ. К 75-летию со дня рождения.

Фото Г. Абрамова.

Садриддин Айни

Его знают в самых отдаленных кишлаках Узбекистана и Таджикистана. Садриддин Айни разговаривает с народом и как писатель со страниц книг, которые он пишет и по-таджикски и по-узбекски, и как общественный деятель (он депутат Верховного Совета Таджикской ССР и городских советов Самарканда и Сталинабада). Наконец, Садриддин Айни — доктор филологических наук, действительный член Академии Таджикской ССР, заведующий кафедрой в Самаркандском узбекском университете.

«Домулло Айни» — с уважением и гордостью называют его на родине. «Домулло» — по-таджикски значит ученый, мудрец, учитель. Прежде чем народ наградил Садриддина Айни этим почетным именем, писатель сам прошел великую школу жизни.

Садриддин Айни родился 15 апреля 1878 года в семье таджикского крестьянина в кишлаке Сектаре, Гиждуванского района, Бухарской области. Десятилетним мальчиком он остался без родителей; они умерли от холеры. Но страсть к учению, трудолюбие, талант поэта помогли Айни постепенно пробить себе дорогу в жизни.

В своих «Воспоминаниях» писатель рассказывает, как он учился у другого юноши выводить печатными буквами русские слова, которые впоследствии открыли ему доступ к великой сокровищнице знаний — к передовой русской культуре.

«Сорокалетним писателем, — говорит Айни, — встретил я Октябрь и в этом возрасте поступил в школу Октября. Эта школа воспитала меня, и, пройдя ее, я словно заново родился...» При советской власти Садриддин Айни вырос в народного писателя. Коммунистическая партия помогла ему в его идейном и творческом росте.

По книгам Садриддина Айни современный читатель может узнать, что представляла собой прежняя, старая Бухара и как народ под знаменем Коммунистической партии пришел к новой, счастливой жизни. В романе «Дохунда» изображается путь таджикского народа от своего феодального прошлого к социалистическому настоящему. В сильных образах автор разоблачил реакционную сущность джадидстского (националистического) движения, дань увлечению которым отдал до революции и сам Айни. В романе «Рабы» (1934), состоящем из пяти частей, писатель создал широкую картину жизни таджикского народа за целое столетие (с 1825 по 1933 год). Одним из лучших произведений Садриддина Айни является его большая повесть «Смерть ростовщика», в которой дан реалистический и необычайно выразительный образ безжалостного эксплуататора. В своих двухтомных воспоминаниях «Бухара» Садриддин Айни описал не только свою жизнь, но и историю родного народа. За эту книгу писатель был удостоен Сталинской премии.

Юлиус Фучик сказал на праздновании 30-летия литературной деятельности Айни в Самарканде в 1935 году: «Айни это не только ваш писатель, это и наш писатель. Его книги для нас не только прекрасное искусство, но и наглядное учебное пособие. Эти книги не только отражают прежние страдания и новые достижения советского народа — они сами по себе уже являются живым доказательством этих достижений».

К. Л. БЕЛЯЕВ

Большое сердце художника

К 10-летию со дня смерти Вл. И. Немировича-Данченко

С первой нашей встречи прошло более тридцати лет, и все же этот день памятен мне во всех подробностях. Во Второй студии Московского Художественного театра шли выпускные экзамены. В маленьком зале сидели рядом высокий, худощавый и, как всегда, подтянутый Константин Сергеевич Станиславский и плотный, крепкий, чуть приземистый человек с красивой седой бородой и серыми небольшими зоркими глазами — Владимир Иванович Немирович-Данченко. Мы все волновались страшно, но каждый из нас сознавал необходимость во что бы то ни стало избавиться от всякого напряжения в тот момент, когда придется выйти на сцену.

Сразу же после экзамена — я «показывалась» в роли Веры Шелоги из «Псковитянки» — Станиславский и Немирович-Данченко вновь вызвали меня, и я узнала, что моя работа принята, что мне предлагают вступить в труппу Художественного театра. От радости я растерялась:

— А студийцы говорят, что мои данные больше подходят к Малому театру, чем к Художественному.

Владимир Иванович улыбнулся.

— То, что я только что видел, — сказал он, — это действительно было бы хорошо и на сцене Малого театра. Ведь корни у нас одни, и что хорошо там, то хорошо и здесь. А что плохо, то всюду плохо...

Впоследствии, ближе познакомившись с Владимиром Ивановичем, мы поняли, до какой степени чуждо было ему противопоставление Художественного театра великим традициям «дома Щепкина». Не только зачинатели этих традиций — славные мастера прошлого Мочалов и Щепкин, — но и такие замечательные артистки, как Федотова и Ермолова, которых он знал лично и неоднократно видел на сцене, были для Владимира Ивановича высшими авторитетами в искусстве. Всю свою жизнь Вл. И. Немирович-Данченко страстно пропагандировал правду и простоту, которым неизменно были верны лучшие представители реалистической русской актерской школы.

Режиссерское творчество Вл. И. Немировича-Данченко всегда отличалось большими мыслями и чувствами, умением в каждом спектакле сказать зрителям нечто новое, волнующее, серьезное. Его искусство было искусством значительным, масштабным и вместе с тем необычайно тонким, точным во всех подробностях быта, психологии, социальных мотивировок. Работать с ним было очень и очень радостно.

Каждая его репетиция, помогая проникнуть в существо образа, задуманного драматургом, в то же время обогащала артиста, оттачивала мастерство, приносила много новых знаний, практических навыков. Добиваясь от нас все более совершенной игры в очередной пьесе, готовящейся театром, наш режиссер одновременно был нашим вдумчивым учителем, обладавшим драгоценным даром воспитателя.

Мне посчастливилось работать с Владимиром Ивановичем над рядом больших и ответственных ролей, начиная с первого моего дебюта на сцене Художественного театра в роли Софьи в спектакле «Горе от ума». Вл. И. Немирович-Данченко, как никто, умел очень точно, кратко и образно определить замысел, иногда одной фразой раскрыть смысл всего будущего спектакля. Когда мы репетировали «Воскресение» — инсценировку романа Льва Толстого, в которой я играла сразу полюбившуюся мне роль Катюши Масловой, — Владимир Иванович сказал: спектакль будет вовсе не о «воскресении» Нехлюдова, а о воскресении Катюши, которая после всех своих горестей и бедствий находит настоящую цель жизни, встретившись с новыми людьми — революционерами. В соответствии с таким замыслом спектакля Владимир Иванович советовал уже в начальных картинах спектакля, когда Катюша считает свою молодую жизнь окончательно загубленной, стремиться к образу мятущемуся, подвижному, глубоко взволнованному. Эта подсказка мудрого режиссера помогла до конца понять образ.

И так было всегда — в каждой роли Владимир Иванович умел обращать внимание актера и на ее идейные задачи и на природу выведенного драматургом человеческого характера. В момент работы над ролью Любови Яровой он настойчиво предостерегал от «обытовления» образа, от опасности сыграть заурядную учительницу. Но он не хотел, конечно, и внешней холодной «романтичности», нарочитой приподнятости. Романтическим, говорил он, образ станет сам собой тогда, когда вы передадите все богатство характера Любови Яровой — ее страстность, героическую готовность к революционному действию, ее сердечность, душевную теплоту, мягкость. Вот тогда родится образ одновременно и человечный и возвышенный.

Осуществляя постановку «Трех сестер» А. П. Чехова, Владимир Иванович с исключительной настойчивостью добивался от актеров мужественной простоты и сдержанной силы исполнения. И ему удалось создать спектакль, который поныне считается одним из шедевров советского режиссерского искусства.

Интересы Владимира Ивановича никогда не замыкались внутри нашего театра. И в преклонные свои годы он уверенно шел в ногу с современностью, с жадным интересом реагируя на все новое, что приносила с каждым днем наша советская жизнь.

Всем нам, ученикам и ученицам Владимира Ивановича, памятны его горячие слова:

— Художнику необходимы не только талант, постоянный труд и живой разум. Ему необходимо всегда быть в гуще жизни, вместе с народом, с его надеждами и заботами, с его трудностями и победами!

Эти слова должны быть девизом для всех, кто хочет с честью послужить советскому искусству.

К. ЕЛАНСКАЯ,
народная артистка СССР

Молодость театра

Курманбек **ДЖАНДАРБЕКОВ,**

главный режиссер Театра имени Абая, народный артист Казахской ССР

Фото И. Тункеля.

Л. Игнатова — Вика («Аттестат зрелости»).

Я смотрю на фотографии молодых актеров, на их смеющиеся, счастливые лица, на их уверенную, гордую осанку, и мне хочется свой разговор о нашей театральной молодежи начать с несколько измененной строки любимого в Казахстане А. С. Пушкина: «Здравствуй, племя младое...», но знакомое! Хорошо знакомое не только мне, их старшему товарищу, встречающемуся с ними ежедневно на репетициях, занятиях, смотрах, спектаклях, но и казахскому зрителю.

Еще недавно эти юноши и девушки терпеливо выводили в классах вокальные гаммы, готовили этюды — овладевали сложным искусством сцены. Но вот прошло два — три года их пребывания в театре, и зритель с нетерпением ищет в программах и афишах эти имена, горячо аплодирует им в зрительном зале.

Кто же они, эти молодые актеры, чем сумели пленить и завоевать зрителя?

Творческий путь Шабал Бейсековой и Байгали Досымжанова начался в стенах Московской государственной консерватории. Казахская республика направила лучших молодых вокалистов в столицу Союза овладевать театральной культурой, осваивать русскую вокальную школу.

Но война прервала занятия. Досымжанов, Кенжетаев, их товарищи по курсу вместе с комсомольцами других факультетов ушли добровольцами в ополчение. Часто во время коротких привалов Досымжанов пел однополчанам грустные казахские старинные мелодии. Пехотинцы любили слушать эти песни, которые напоминали им чем-то русские народные. Случалось, товарищи останавливали певца. «Побереги голос,— говорили они,— сорвешь на ветру, не петь тебе тогда Ленского». Но Досымжанов спел Ленского, спел и многие другие партии русского, мирового и казахского репертуара. На сцене Академического казахского театра, солистом которого он стал, вновь встретился Байгали со своими соучениками. С Каукеном Кенжетаевым поют они в «Князе Игоре». Их дуэт с Бейсековой звучит под сводами дворца Капулетти, где чистые, задушевные и выразительные голоса молодых актеров поют о бессмертной любви юных веронцев Ромео и Джульетты. Легкий и искрометный дуэт молодых певцов разносится по Куяндинской ярмарке, где идет состязание акынов Биржана и Сары — героев одноименной оперы композитора М. Тулебаева. За исполнение этих ролей Бейсекова и Досымжанов удостоены высокой награды — Сталинской премии. Кроме того им присуждено звание заслуженных артистов республики.

Звания заслуженной артистки удостоена и молодая солистка балета нашего театра — Нурсулу Тапалова. Совсем юной пришла она в театр прямо из школьной самодеятельности. Участие в детских кружках, олимпиадах раскрыло в девочке незаурядные способности. Тапаловой удаются преимущественно танцы народные, характерные, которые исполняет она с большой выразительностью и эмоциональностью. Танец, пластика у балерины под-

К. Жакибаев — Фарман («Алтын-Сака»).

Б. Римова — Элиза («Скупой»).

Э. Епонешникова — Аналык («Биржан и Сара»).

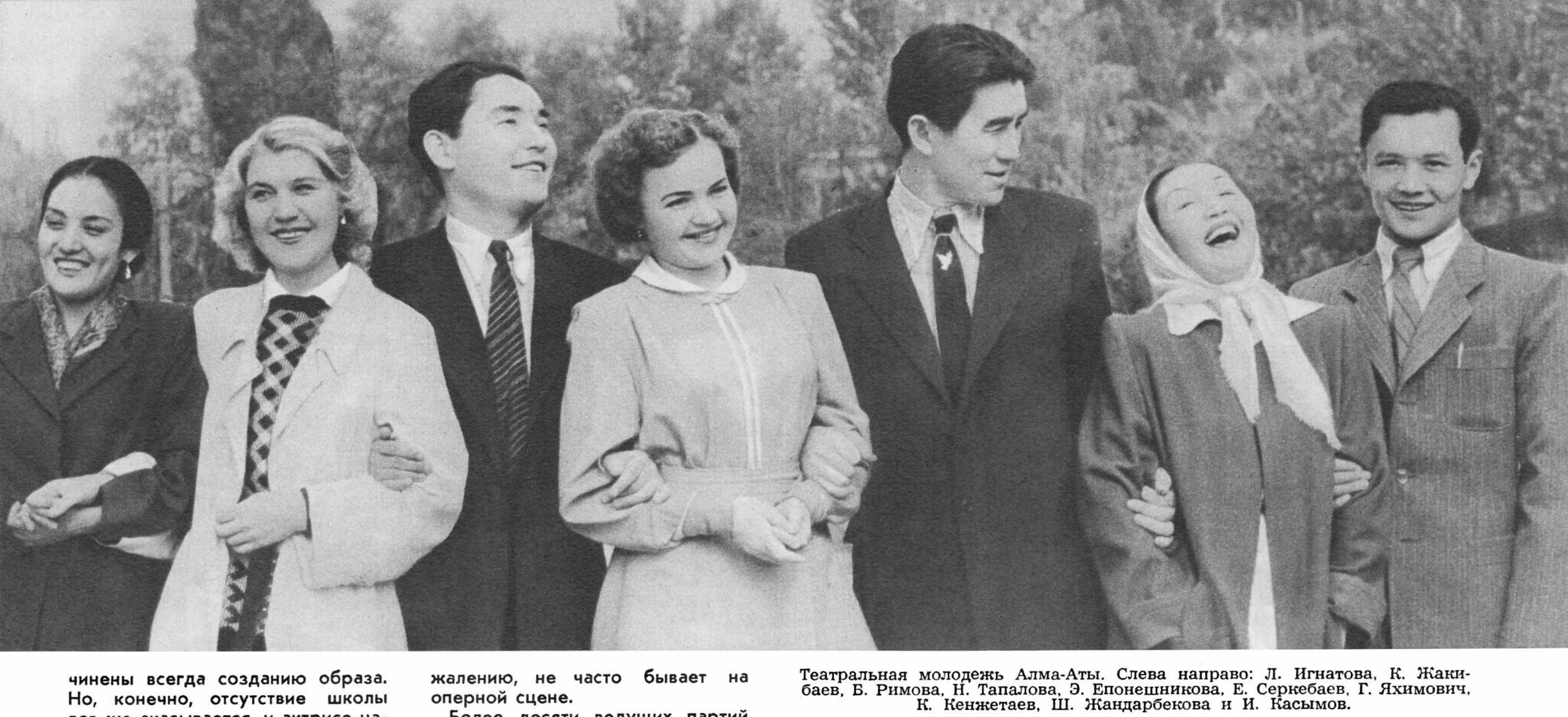
Н. Тапалова — Зарема («Бахчисарайский фонтан»).

Е. Серкебаев — Онегин («Евгений Онегин»)

Г. Яхимович — Джульетта («Ромео и Джульетта»).

Театральная молодежь Алма-Аты. Слева направо: Л. Игнатова, К. Жакибаев, Б. Римова, Н. Тапалова, Э. Епонешникова, Е. Серкебаев, Г. Яхимович, К. Кенжетаев, Ш. Жандарбекова и И. Касымов.

чинены всегда созданию образа. Но, конечно, отсутствие школы все же сказывается, и актрисе надо ежедневно и много заниматься, чтобы движения ее были всегда гармоничными.

Из самодеятельности вышла и певица Эра Епонешникова, обладательница красивого, звучного, глубокого меццо-сопрано. Завод, где она работала, послал ее учиться в консерваторию. Занятия на последних курсах девушка совмещала со стажированием в театре. Окончив консерваторию в 1952 году, она стала нашей солисткой. Русская девушка, выросшая и воспитанная в Казахстане, с одинаковой легкостью поет на русском и на казахском языках. Сейчас Епонешниковой и другой молодой певице, Ольге Симоновой, поручена главная роль в новой казахской опере, «Дударай».

Воспитанниками Алма-Атинской консерватории являются и наши солисты — белоруска Гера Яхимович и Ермек Серкебаев.

У Яхимович чистый, приятного тембра голос. Ее внешний облик всегда соответствует исполняемой роли, а мы знаем, что это, к сожалению, не часто бывает на оперной сцене.

Более десяти ведущих партий исполняет в театре Серкебаев. Когда двадцатишестилетний артист поет Онегина, Жермона в «Травиате» или Кожагула в «Биржане и Саре», мы, старшие мастера, конечно, видим еще его неопытность, сценическую скованность, порой недостаток необходимого мастерства. Но от спектакля к спектаклю актер все больше овладевает трудными ролями, все свободнее чувствует себя на сцене.

Только со сценической практикой приходит мастерство.

Говоря о другой нашей молодежи, актерах драматических театров, в первую очередь следует отметить большое комедийное дарование Касыма Жакибаева — артиста Театра юного зрителя. Создавая правдивый и убедительный образ, он заставляет верить в жизненность и Вурма («Коварство и любовь»), и столетнего охотника Вылки («Два капитана»), и глупого, но хитрого байского сына Фармана в сказке «Алтын-Сака». Для раскрытия каждого из этих образов юноша находит всегда новые, многообразные и верные краски. Не удивительно, что за четыре года своей сценической жизни Жакибаев стал любимым актером алма-атинской детворы.

За год работы в ТЮЗе много запоминающихся, обаятельных женских образов создала Лариса Игнатова. Неизменно горячий прием у ребят находят сценические герои Идриса Касымова.

Актеры Академического театра драмы Бикен Римова, Шалпан Жандарбекова и Атагельды Исмаилов принадлежат, если можно так сказать, к «старшему поколению молодежи». Они пришли на сцену еще во время войны и поэтому сумели уже многосторонне раскрыть свои данные. Исмаилов — актер хороших внешних данных, умеющий всегда точно донести мысль автора. Римова — актриса большого драматического темперамента, сильных чувств. Жандарбековой больше свойственна тонкая лирика, мягкий юмор.

Сценическая практика необходима для роста актера, но здесь очень важен репертуар. А просматривая репертуар, приходишь к печальному выводу: все еще мало в нем современной тематики (некоторое исключение — ТЮЗы). Даже в большинстве произведений советских авторов отражены «дела давно минувших дней». А ведь работа над образом современника заставляет актера пристальней всматриваться в жизнь, глубоко изучать и анализировать явления окружающей его действительности, теснее общаться с представителями других профессий.

Советская пьеса — обязательная и лучшая школа молодого артиста.

К. Кенжетаев — князь Игорь (в одноименной опере).

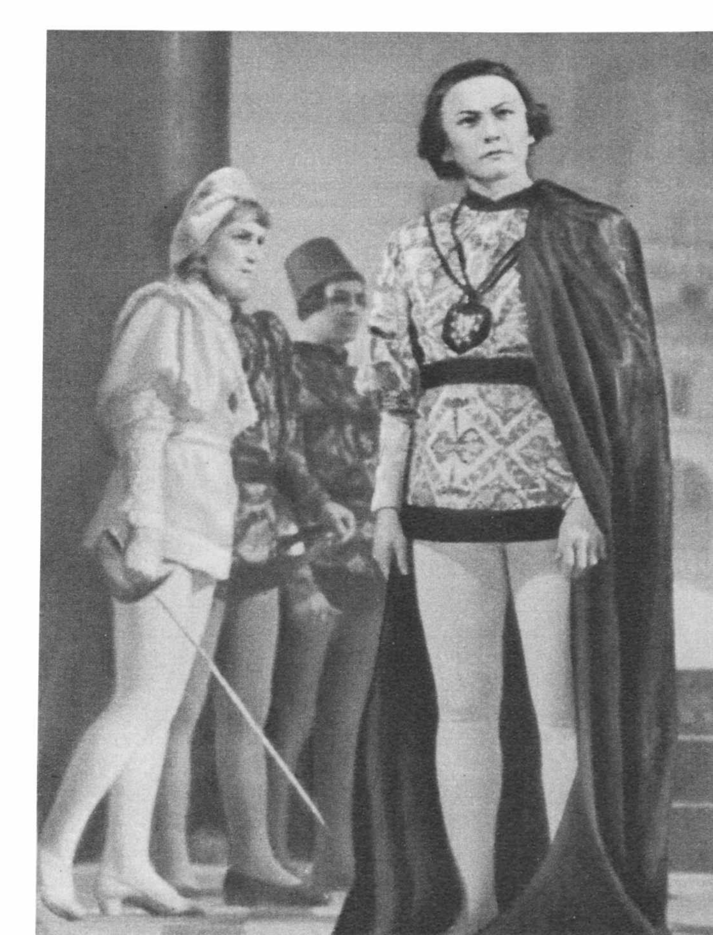

И. Касымов — Сергали («Ибрай Алтынсарин»).

Ш. Жандарбекова — Тогжан («Абай»)

Б. Досымжанов в роли Ромео («Ромео и Джульетта»).

Пришла СПОРТИВНАЯ ВЕСНА

Тбилисский стадион «Динамо». Забег девушек на сто метров.

Студентка Валентина Сбитнева (Одесса) тренируется в метании диска.

Спортивная весна всегда проявляется бурно. Как только солнце приходит на смену морозным туманам, как только исчезает снежный покров, нетерпеливые спортсмены сбрасывают с себя зимнюю одежду и в легких спортивных костюмах выходят на стадионы, площадки, на реки.

На юге уже в феврале и марте слышались первые удары по футбольному мячу, судейские свистки, выстрелы стартеров на беговых дорожках, веселый шум на волейбольных площадках.

На севере снег и лед «сопротивляются» дольше. Между зимними и весенними занятиями спортом проходит какое-то время. Но у нас нет так называемого межсезонья. Спортивная жизнь продолжается, темп ее не угасает. Не дождавшись теплых дней, легкоатлеты, теннисисты, баскетболисты провели первые весенние состязания под крышей. Футболисты в залах готовились к сезону, пробовали различные технические приемы в обращении с мячом и все поглядывали на небо.

Теперь и они вышли на воздух. Даже боксеры, которые обычно выступают в закрытых помещениях, поддались весенним настроениям и вынесли свой ринг в парк, где деревья стояли еще оголенные. Это видно на нашем снимке из Ашхабада.

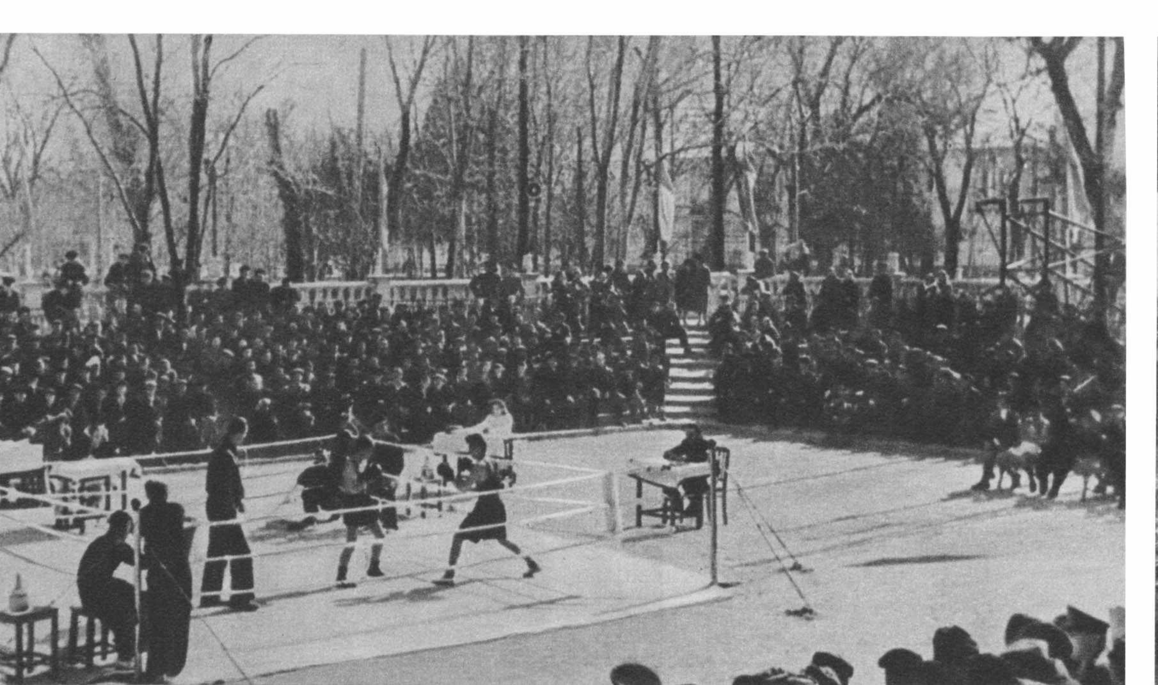
В Средней Азии спортивная весна в разгаре. Почти во всех городах прошли первые состязания, выявились первые победители, зарегистрированы первые рекорды.

Наши фотокорреспонденты запечатлели момент спортивных состязаний в Ашхабаде, Тбилиси, Одессе, Баку, Сухуми, Киеве.

По традиции, в Тбилиси раньше, чем в других городах Закавказья, открылся спортивный сезон. На стадионе «Динамо» состоялся парад физкультурников, и приветствовал их некогда знаменитый центр нападения, а ныне председатель городского комитета по делам физкультуры и спорта Борис Пайчадзе.

Легкоатлеты оспаривали личное первенство города по легкой атлетике, а футболисты разыгрывали «Приз открытия сезона».

Но вот уже две недели на тбилисском стадионе идут футбольные состязания. Тбилисцы видят

В Ашхабадском парке культуры и отдыха начались соревнования боксеров.

Киевские гребцы спортивного общества «Наука» вышли на открытую воду Днепра.

Первое футбольное состязание на бакинском стадионе.

не только своих динамовцев, но и футболистов других городов. Наблюдали игры первоклассных команд и сухумцы, и бакинцы, и харьковчане. Скоро увидят их и москвичи.

Спортивный сезон открыт на юге Украины и в Крыму. В Киеве гребцы начали тренироваться на Днепре, когда он еще не полностью освободился ото льда. Теперь же в воскресные дни сотни спортсменов бороздят воды реки на простых лодках и на академических судах.

Открыли сезон и легкоатлеты украинской столицы. Они провели традиционные весенние заочные соревнования, в которых отличились студентка университета Ольга Кошелева, Нина Чернощек, Виктор Цибуленко и другие.

Вышли на трек и на шоссе велосипедисты. Спортсмены готовились к традиционным состязаниям, которые обычно проводятся на улицах Киева, и к гонке на автостраде Киев — хутор Шевченко.

В Одессе открыли сезон на спортивной площадке общества «Буревестник», на стадионе Дома офицеров и на водной станции общества «Водник». В Одессе фотокорреспондент запечатлел моменты соревнований по легкой атлетике и тренировку велосипедистов на треке «Спартак».

В Батуми состоялась эстафета 10×1000 метров на приз газеты «Батумский рабочий». Победителем вышла команда Батумского мореходного училища.

Спортивная весна чувствуется и в Москве. В Сокольниках, в загородных парках, на городских стадионах давно начали тренировки бегуны, прыгуны, городошники. Футболисты провели уже первые товарищеские соревнования.

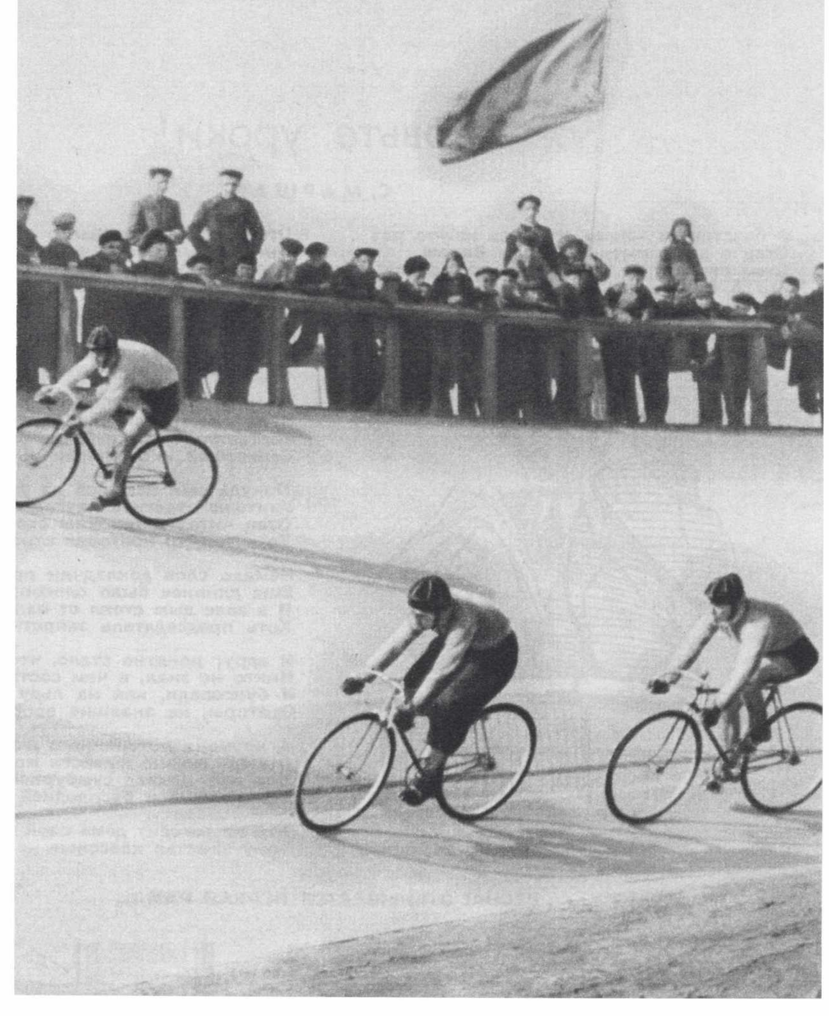
Спортивная весна пришла.

В ближайшее время откроется весенне-летний сезон. По улицам Москвы побегут легкоатлеты, на Садовом кольце будут состязаться велосипедисты, на стадионе «Динамо» поднимется флаг открытия футбольного сезона.

Начинается пора спортивной борьбы за новые рекорды, за новые достижения, за новый подъем физкультурного движения в нашей стране.

Фото К. Крымского, И. Родионова, В. Дунина, Ф. Шевцова, И. Шаинского, С. Короткова.

На одесском треке.

Сухумские «болельщики» на первом в сезоне футбольном состязании.

Велосипедисты общества «Строитель» готовятся к соревнованиям, которые будут проведены по улицам Киева.

Готовьте уроки!

С. МАРШАК

Рисунок Ю. Узбякова.

В блестящем «зисе» мчались как-то раз
Отец с десятилетним сыном Ванею.
Отец спешил на службу — к заседанию,
А Ваня — в класс.

Отец молчал и думал о докладе...
Он позабыл конспект перечитать.
А папенькин сынок, сидевший сзади,
Заглядывал то в книжку, то в тетрадь.

Вот у подъезда школьного машина,
Откинув дверцу, выпустила сына,
И не успел он за короткий срок
До половины выучить урок.

А за углом в солидном учрежденье,
Куда шофер докладчика привез,
Поставили в тот день на обсужденье
Серьезный и ответственный вопрос.

Покуда сын пытался на уроке
Учителю ответить наугад,
Отец читал с трибуны свой доклад,
То путая, то повторяя строки.

Немало слов докладчик произнес,
Еще длиннее было словопрение.
И в зале дым стоял от папирос,
Хоть председатель запретил курение.

И вдруг понятно стало, что всерьез
Никто не знал, в чем состоит вопрос.
И буксовали, как на льду колеса,
Ораторы, не знавшие вопроса.

А времени потерянного жаль!..
Отсюда можно вывести мораль:
Чем ваш доклад сумбурней и туманнее,
Тем дольше и бесплодней заседание!

Кто не готовит до́ма свой урок,
Тому занятья классные не впрок!

ВЕСНА! ОТКРЫВАЕТСЯ ПЕРВАЯ РАМА...

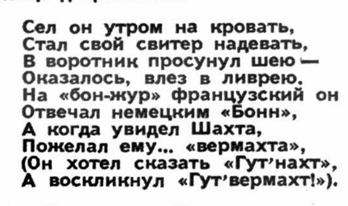

Первая ласточка ротозея.

Рисунок Е. Ведерникова.

«Жил человек рассеянный...»

(Отрывок из французского варианта)

Жил человек рассеянный
На улице д'Орсэй-ной.

Сел он утром на кровать,
Стал свой свитер надевать,
В воротник просунул шею —
Оказалось, влез в ливрею.
На «бон-жур» французский он
Отвечал немецким «Бонн»,
А когда увидел Шахта,
Пожелал ему... «вермахта»,
(Он хотел сказать «Гут'нахт»,
А воскликнул «Гут'вермахт!»).

Вот какой рассеянный
С улицы д'Орсэй-ной!

Расстроен тем, что дядя
Пособия не шлет,
Он сел, на кризис глядя,
В нью-йоркский самолет.
Прижал бумажник к сердцу —
Прощается, твердит
Взамен «закройте дверцу»
«Откройте мне кредит!»

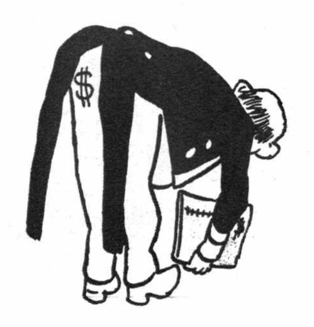
Механик удивился,
Мотор остановился.

Он, чтоб легче был вояж,
Сдал амбицию... в багаж,
Ну, а вместо чемодана
Взял с собою «план Шумана»:

Пусть продравшийся карман,
Но зато в кармане «план».
Чуть отъехав от Парижа,
Он хватился: нет престижа!
Ну, а су-вере-нитет?
Поискали — тоже нет.

Вот какой рассеянный
С улицы д'Орсэй-ной!

«Перевел» на французский
Эмиль КРОТКИЙ.

Вы можете стать акционером

Мэл КОЛБИ

Мэл Колби — фельетонист канадской прогрессивной газеты «Канэдиен трибюн». Это боевая газета, борющаяся против поджигателей войны и подчинения Канады американским империалистам, за права трудящихся, за мир. Фельетон-гротеск о «благодетельных» биржевиках напечатан в «Канэдиен трибюн» в январе 1953 года.

При капитализме самые красивые по архитектуре здания обычно заняты биржей. Пусть зарастает сорняками могила святого, пусть разваливается дом, в котором родился великий человек, зато перед великолепным храмом, именуемым «Биржей», всегда готов склонить голову в почтительном молчании каждый городской толстосум.

За бандитом Джесси Джеймсом гонялись шерифы, разбойника Дика Тарпина вздернули на веревку королевские солдаты. Этим двум знаменитостям преступного мира не повезло: надо же было им родиться не в ту эпоху! В наши дни они стали бы удачливыми биржевиками и жили бы припеваючи.

О доблестных деятелях биржи недавно напомнила канадским жителям большая, во всю газетную страницу, реклама известного коммерческого банка. Банк зазывает широкую публику, суля теплую встречу каждому, кто почтит его визитом. Я хорошо представляю себе, как слеза умиления ползла по щеке банкира, когда он подписывал этот нежный призыв к канадцам. Легко понять, чего хотел банкир: развеять всеобщее подозрение, что люди, доверившие банку крохи, которые они с трудом копили всю жизнь, будут обмануты и пущены по миру.

★ ★ ★

Но вот вы в стенах банка. Едва переступив порог, вы обнаруживаете несимпатичную личность, поглаживающую какой-то странный предмет. Оказывается, что это человеческий череп. А рядом стоят два ведра, в них собирают кровь, которую выпускают из клиентов.

Налево вдоль стены тянется длинный стеллаж. На полках его аккуратными рядами сложены правые руки. Их оставили в качестве залога граждане, которые были втянуты в игру на повышение и готовы были дать руку на отсечение, что рассчитаются с банком. На противоположной стене висят в рамках стандартные записки клиентов, покончивших самоубийством; каждая из них удостоверяет, что мистер такой-то добровольно, без принуждения, бросился вниз головой с крыши многоэтажного дома.

Робкими шагами вы приближаетесь к несимпатичному джентльмену и начинаете мямлить: «Мне хотелось бы купить парочку акций...» В ту же минуту перед вами, как из-под земли, вырастают три дюжих молодца и скручивают вам руки. Неизвестно откуда появляются два сыщика с тощими физиономиями и занимают место у дверей.

Тройка молодцов — это биржевые маклеры — тащит вас в длинное пустое помещение. «Зал для обработки клиентов» — гласит неоновая вывеска на стене. В один миг вас раздевают догола и вытряхивают из вашего бумажника все его содержимое, за исключением одного трамвайного билета на обратный проезд. Вам дают бочку без дна и без крышки, чтобы прикрыть наготу. Теперь с вами готовы начать деловую беседу.

Беседа длится недолго. Фамилия? Какие акции берете? Вам вручают разрешение носить револьвер с одним патроном и схему черепной коробки с точным указанием, куда стрелять при самоубийстве. Вы также получаете детальную карту города, на которой помечены крестиками все здания высотою в десять этажей и более.

Остальное сравнительно просто. Вы подписываете два гарантийных документа: по первому ваша старуха-мать должна полностью отдать банку свою вдовью пенсию, по второму банк имеет право забрать вашего пятилетнего сына в кабалу и эксплуатировать его как рабочую силу на фабрике лент для биржевого телеграфа. Вы также даете подписку, что никогда не вздумаете читать «Манифест коммунистической партии».

Кроме того вы принимаете на себя обязательство — содержать за свой счет двух «лягавых», которые отныне будут следовать за вами, куда ни пойдете. Ну вот, все формальности закончены; теперь вы наконец на верном пути к капиталистическому «процветанию». И если вы достаточно пылко верите в «частное предпринимательство», то, возможно, дотянете до старости и кротко умрете голодной смертью.

Перевод с английского
В. ЛИМАНОВСКОЙ.

Иногда бывает и так...

1

Шло заседание художественного совета. Художник демонстрировал новую картину...

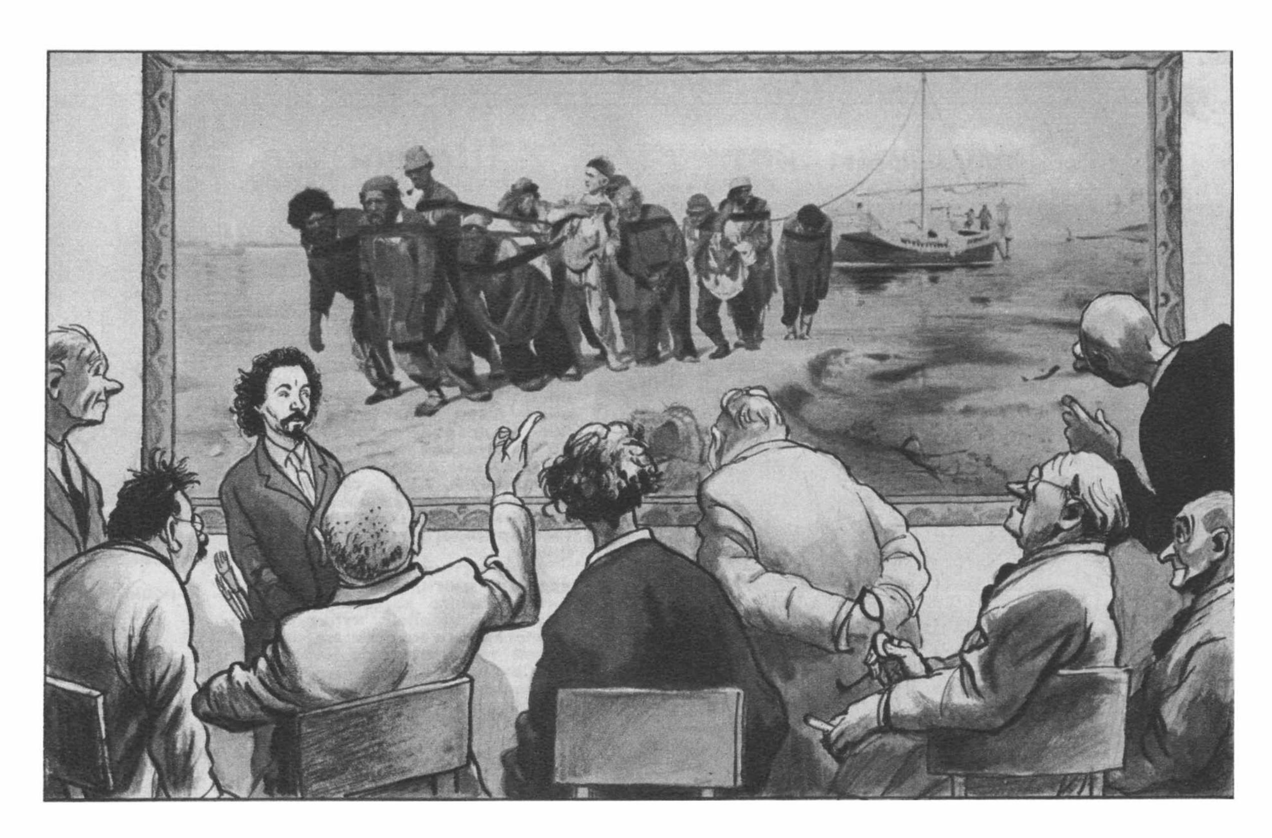
Членам совета картина в общем понравилась. Но они все же предложили художнику доработать ее.

— Мрачновато, — объяснил один.

— Оно, конечно, «Выдь на Волгу, чей стон раздается»,— раздумчиво произнес другой. — Но ежели посмотреть глазами современника...

— Сделать, так сказать, созвучней... — добавил третий.

→

2

Вот примерно какое полотно рисовалось жрецам искусства — критикам из худсовета.

↓

Изошутка И. Семенова

Курьезный случай

Однажды мне пришлось открыть 5-й (III) том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (Банки — Бергер) на 308-й странице. Внизу левой колонки читаю: «БЕЗПАМЯТНАЯ СОБАКА — собака жадная до азартности».

Я не поверил своим глазам. Откуда могла появиться на страницах солиднейшей энциклопедии эта явно бессмысленная «безпамятная собака»? Может быть, это специальный термин? Но охотники в один голос заявили, что о подобных собаках знать ничего не знают. Отреклись от «безпамятной собаки» собаководы и собаковеды.

Но каждая загадка может быть разгадана, и каждый непонятный случай может быть объяснен.

Имеет объяснение и эта таинственная история «безпамятной собаки».

Среди многочисленного штата сотрудников редакции словаря в наихудшем, зависимом и бедственном положении находились младшие сотрудники, писавшие анонимные статьи по разным незначительным вопросам. Вероятно, работа эта не была самым любимым их делом и нужна была им только потому, что приносила хоть какой-то заработок. Среди этих людей было много молодежи, склонной пошутить, посмеяться.

Редактором одного из отделов словаря был человек весьма рассеянный и забывчивый.

Слыша напоминания сотрудников о гонораре, он восклицал, ударяя себя по лбу: «Ах, я, беспамятная собака!» Упорное пренебрежение интересами сотрудников раздражало их, и они решили отомстить редактору.

В выправленную и подписанную к печати корректуру 5-го (III) тома энциклопедии шутники вставили нелепую заметку о «жадной до азартности» собаке. Заметка эта не обратила на себя внимание рассеянного, невнимательного редактора, и том вышел в свет.

дѣлами Украины. Неизвѣстно, когда онъ оставилъ свою службу, умеръ же въ глубокой старости, въ 1718 г.

Безпамятная собака—собака жадная до азартности.

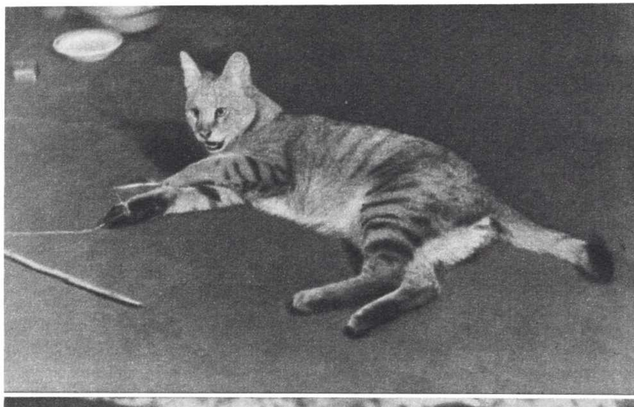
Безпамятство—терминъ нашего уголовнаго права, означающій безсознательное состояніе, происшедшее вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія ...

Безплодные люди.

Безпозвоно... (Evertebrata)—живот... ночника и вообще ... званіе это въ насто... значенія высшей ... животнаго царства ...

А. ВОЛКОВ,
студент Московского экономико-статистического института.

Камышовый кот

В Москве, на Красной Пресне, в квартире биологов Руковских живет дикий камышовый кот.

Камышовые коты достигают длины свыше 90 сантиметров. В нашей стране они обитают в Закавказье, Средней Азии и на северном побережье Каспийского моря. В природных условиях они ведут ночной образ жизни, и биология их изучена мало. Известно, что эти хищники очень злы и в случае опасности отчаянно защищаются.

Кот был пойман Руковскими в сентябре 1952 года в Азербайджане в возрасте около одного месяца. Сейчас в Москве он резвится по всей квартире, знает свое имя — Мурзук — и подбегает, когда его зовут: «Пойди сюда». По команде «Пошел на место!» он урчит и нехотя плетется к своему креслу, где спит ночью. Утром, просыпаясь, кот долго потягивается, как бы делая утреннюю гимнастику, затем точит когти о доску, специально для этого поставленную, и долго умывается. Совершив свой туалет, он начинает играть с любой пригодной для этого вещью. За этим занятием кот проводит несколько часов подряд. Он подползает и подкрадывается к «добыче», делает огромные прыжки, придумывая все новые и новые варианты игры.

В естественных условиях камышовые коты не избегают воды. Обитая в поймах рек и по берегам озер, они в поисках пищи бродят по мелководью и нередко заплывают на острова, удаленные от берега более чем на километр. Не боится воды и Мурзук. Большое удовольствие ему доставляет купание в тазу с водой. Он долго играет с плавающей в воде щепкой: выбрасывает ее из таза на пол, берет в зубы и опять кладет в воду.

Камышовые кошки приносят значительный вред охотничьему хозяйству, истребляя зайцев, промысловых птиц и даже молодняк копытных животных.

Мурзук наряду с мясом, рыбой и яйцами ест картофель и морковь. Молоко он пьет неохотно и плохо умеет лакать — брызги из-под его языка летят во все стороны. Источником витаминов для Мурзука являются листья столетника (алоэ) и зеленый лук, которые он ест с удовольствием. Довольно дружно Мурзук живет с собакой-лайкой, однако не упускает случая стащить у нее из миски лакомый кусочек, за что получает трепку. Рассердившись, кот шипит и злобно рычит; защищаясь, бьет лапой с выпущенными когтями.

В настоящее время Мурзук весит 7 килограммов.

Е. ЧИЛИКИНА, биолог-охотовед.

Шашки древних славян

Осенью 1951 года на землях совхоза «Переяслав», Переяслав-Хмельницкого района, Киевской области, во время земляных работ рабочими были обнаружены какие-то древние погребения. На следующий год Институт археологии Академии наук Украинской ССР снарядил на место обнаруженных памятников для их исследования археологическую экспедицию.

Было установлено, что это древний могильник славян-антов. Такого характера памятники древней культуры известны археологам на широкой территории от Карпат до Северного Донца, и принадлежат они ранним славянам II—V веков нашей эры.

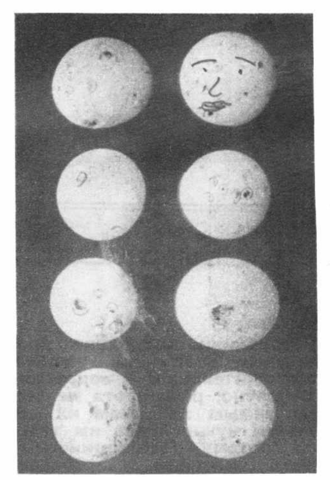
Кроме обычных при таких погребениях предметов — различных керамических и стеклянных сосудов, железных наконечников стрел, остатков золотой парчи, костяных гребешков, янтарных и стеклянных бус,— здесь были найдены одиннадцать черных и одиннадцать белых стеклянных, плоских снизу и выпуклых сверху кружочков. Они, очевидно, хранились в деревянной шкатулке, от которой сохранились остатки сгнившего дерева и бронзовые скобки, скреплявшие стенки шкатулки. После тщательного изучения находки и сопоставления ее с подобными находками при других раскопках было установлено, что эти стеклянные кружочки не что иное, как игральные шашки.

Принято считать, что шашки на наших землях известны с периода Киевской Руси, то есть примерно с X века.

Сейчас, после раскопок Переяславского могильника, есть основания перенести эту дату на шесть — семь столетий вглубь веков.

В. ГОНЧАРОВ,
научный сотрудник
Института археологии
Академии наук УССР.

Киев.

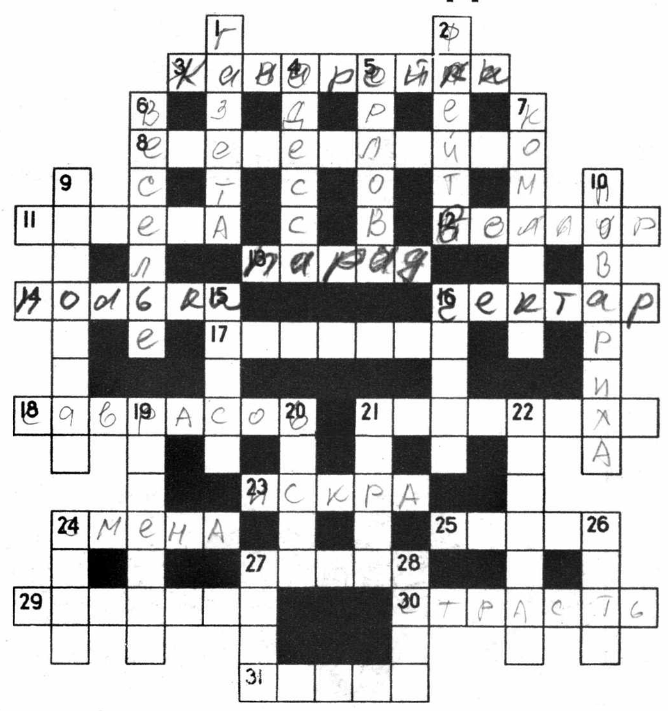
Стеклянные шашки, найденные в Переяславском могильнике.

В ПОСЛЕДНЮЮ НОЧЬ ПЕРЕД ЭКЗАМЕНАМИ

— Хорошо белым медведям, у них ночь длится 6 месяцев...
Рисунок Ю. Черепанова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Певчая птичка. 8. Снижение цен. 11. Луг. 12. Редкий тугоплавкий металл. 13. Торжественный смотр. 14. Танец. 16. Мера земельной площади. 17. Краткое возражение, замечание. 18. Русский художник. 21. Дерево с белыми душистыми цветками. 23. Марксистская газета. 24. Советский журнал. 25. Спортивный бег. 27. Летняя рубашка. 29. Рассказ А. П Чехова. 30. Чувство удовольствия. 31. Забава, шалость.

По вертикали:

1. Периодическое издание. 2. Духовой музыкальный инструмент. 4. Город-герой. 5. Известная киноартистка. 6. Массовое празднество. 7. Совокупность орудий производства. 9. Вид самолета. 10. Персонаж сказки А. С. Пушкина «О царе Салтане...» 15. Приток Сыр-Дарьи. 16. Курорт. 19. Аппарат для печатания копий. 20. Время года. 21. Птица из семейства уток. 22. Вид локомотива. 24. Финансовая операция. 26. Приспособление для ловли рыб, птиц. 27. Музыкальное произведение. 28. Струнный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

4. Мозоков. 7. Волоколамск. 10. Бранко. 11. Дельта. 13. Гайка. 17. Перевес. 19. Педагог. 20. Перепел. 21. Тенор. 22. Гобой. 23. Секстет. 24. Горошек. 26. Асафьев. 28. Осина. 30. Педант. 31. «Косарь». 33. Ратификация. 34. Эквадор.

По вертикали:

1. Носорог. 2. Родос. 3. Команда. 5. Солнце. 6. Усилие. 8. Орденоносец. 9. Стратосфера. 12. Сеченов. 14. Абрикос. 15. Капитан. 16. Ротозей. 18. Спуск. 19. Плата. 25. «Ералаш». 27. Суслик. 28. Отписка. 29. Аксаков. 32. Финал.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Ф. П. Решетникова «Опять двойка!», А. М. Грицая «Над Волгой», Н. Н. Чебакова «Павлик Морозов» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

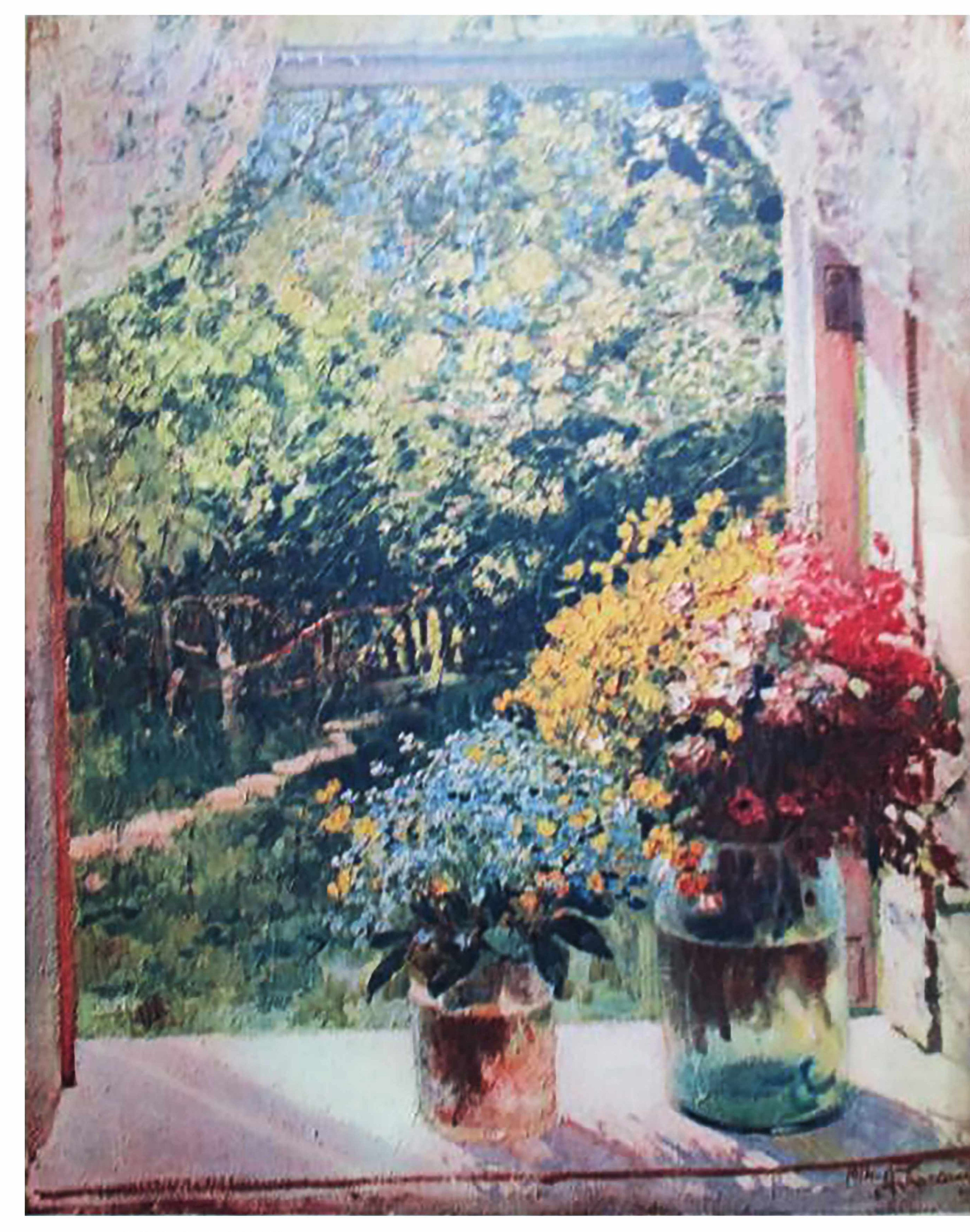
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 02218. Подп. к печ. 18/IV 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 321. Заказ № 848. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена номера 3 руб.

А. М. Герасимов. ИЗ ОКНА.

Астраханская областная картинная гале